

ГЕРОИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА РУССКОЙ ИСТОРИИ

(Е. ТАРЛЕ «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. Союзник». 1938).

Отступление французской армии. (С карт. Ариана)

Революционная борьба русского народа против самодержавия и капитализма была бы несравненно более трудной, если бы Россия не сумела отстоять в ряде войн на протяжении XVII—XIX столетий свою национальную самостоятельность. Одной из таких войн — притом наиболее трудной и славной — была война с Наполеоном в 1812 году. Интересная книга профессора Е. Тарле дает описание этой войны и конечного разгрома наполеоновской армии.

Читатель найдет в книге Тарле блестящее описание хода войны, характерные характеристики Кутузова, Александра I, Наполеона. Многие картины и эпизоды из книги сделали бы честь большому художественному произведению. Но книга Тарле — не только занимательный исторический очерк: она в то же время научное исследование, затрагивающее существенные вопросы русской истории.

Два вопроса, тесно связанных между собой, главным образом занимают автора книги: в чем была причина поражения Наполеона, и какова была роль русского народа в этой войне?

Причина поражения Наполеона заключалась, во-первых, в том, что даже при его огромном военном даровании и при тех колоссальных военных силах, которыми он располагался, ему было не под силу захватить и удерживать необятные

русские пространства. Не было и нет в мире такой армии, которая смогла бы решить подобную задачу. Во-вторых, против Наполеона воевал не только русский народ: воевал весь русский народ.

Тарле убедительнейшим образом опровергает созданный историками миф о Псковском басыно и то, будто война 1812 года выиграна исключительно войсками помещиков против Наполеона, а русский народ остался пассивным или даже сочувствовал завоевателю, ожидая от него отмены крепостного права. Тем немощи крестьян, которые наделись, что Наполеон облегчит их участь, и даже подавали ему об этом ходатайства, пришлось тут же жестоко разочароваться. Наполеоновские войска расстреляли крестьян, настаивавших против помещиков. Как им тяжело было положение крепостных, они понимали, что под влиянием войны усиливаются их страдания в сильнейшей степени увеличатся. Многие крестьяне связывали надежды на избавление от крепостной неволи с победой над внешним врагом. Чрезвычайно характерен случай, приведенный в книге Тарле в Пензенской губернии: крестьяне, набравшие в окончании войны и начал на офицерах, их желая было: истребить офицеров, присоединиться к действующей армии, разбить Наполеона и после этого просить себе в награду прощения и освобождения от крепостной зависимости.

Этот интереснейший факт доказывает, что у крепостных ненависть к помещикам заставляла их и стремление к свободе допоздны и уснаждали друг друга.

Народ, одетый в военные мундиры, оказывая на полях сражений героическое сопротивление «непобедимой великой армии» и риску не дать ей работать себе в открытую ногу, Народ сжигал на пути неприятеля города и деревни и истребил продовольственные за-

пасы, обморока противника на голод. Народ создал партизанские отряды, не давшие наполеоновским войскам шагу ступить на чужой земле без их боя. Героический русский народ разгромил и выгнал из пределов своей земли полководца, завоевавшего всю Европу — от Апенно, который делал автор книги в результате обстоятельного изложения событий, подтвержденного многочисленными историческими документами.

В наше время нисе «фореры», возмнившие себя Наполеонами, мечтают завоевать Советский Союз.

Эти господа забывают, что страна социализма неизмеримо сильнее самодержавно-крепостнической России, а «государственная мощь» их симулянтского самодержавия по сравнению с могуществом наполеоновской империи. Если влюбленный полководец мира был бы прав: народом, бывшим тогда рабом, в своей собственной стране, можно себе представить, какая участь ждет фашистских горе-полководцев, если они попробуют навестить на могучий, свободный советский народ, на страну, которая опережает капиталистический мир на целую историческую эпоху.

ПОВЕСТЬ О ПРОСТЫХ ЛЮДЯХ

(Ю. КРЫМОВ «Танкер «Дербент». Журнал «Красная новь» № 5. 1938).

Герои этой повести — обыкновенные люди, которых мы встречаем на каждом шагу. Они живут, как все, работают, грустят, любят, работают, как все, к тому же на очень трудном участке.

Механик Басов, моторист Гусев, помощил Бредис служат на вот таком, который делает автор книги, кажется однообразной и скучной.

Исхожено вдоль и поперек Каспийское море, встывают его берега, томилельная постоянная жара, ребея все похожи один на другой. Команда титотится на этом однообразном, работает спустя рукава, без любви к своему делу, без привязанности к своему кораблю. Каспийские моряки называют команду «Дербента «сбородом». Командир «Дербента» — жалкий реба и обывалец — итурман Касалик — скрытый, но активный враг — разваливает работу на судне. Постепенно опаздывающий, не выполняющий плана танкер «Дербент» — мнение для ехидных шуток реба с других судов.

Но каждая работа может стать живой и творческой в умелых руках. Положение на «Дербенте» меняется. «Тихоход», «треб на морком море», вступаи в соревнование с одним из лучших судов — «Атаманя», — постепенно выходит на первое место. И дело тут не в одном «сбекобном» Басове, районизаторе по призыванию, человеке, для которого каждое дело становится кровью. Басов только может выжить прекрасные качества, дравевающие в характере каждого из членов экипажа «Дербента», разбулда изобре-

тательность, смелость, любовь к труду.

Никакого «сборода» на «Дербенте» нет. Команда танкера состоит из прекрасных, мужественных советских людей, для которых труд — дело чести. Эти люди не только отменно работают, но самоотверженно, рискуя жизнью, симают с горящего «Узбекистана» погибавших товарищей. «Сбород», «враг», «галачик» оказываются героями.

Юрий Крымов с большим тактом, очень сдержанно показал, как в настоящей работе раскрывается лучше, что есть в людях, как творческий человек «расит труд и как красит творческий труд человека.

Крымов — молодой писатель. Он просто и правдиво рассказывает о жизни советских моряков, любовно и со знанием дела описывает их трудную и самоотверженную работу (всего — по специальности инженер). Книга его, разумеется, несвободна от недостатков. Некоторые из действующих лиц даны бедно, нисе, в частности итурман Касалик, напоминают нечто слышанное, читанное, взятое из литературы. Недостатком являются женские образы: Муси — жена Басова и Жения — девушка, любимая Гусевым. Крымов не хватает себе умения пользоваться отенками, живыми деталями.

Из боязни пшнших и громких фраз автор впадает в другую крайность: повесть его грешит некоторой суматохой, аскетизмом. Тем не менее «Танкер «Дербент» — одна из интересных и умных, серьезных книг о людях нашей страны.

СОДЕРЖАНИЕ:

Дважды краснознаменный (переводы). М. Алигер — Добуды третей (стихи). Юрий Герман — Николая Баженова (рассказ). Бор. Оленяи — Ширяк (рассказ). Ив. Меньшиков — Чужая тропа (рассказ). А. Натанова — Вахта у телескопа (очерк). Андрей Малишко — Кавказ (стихи). З. Федорова — Матери-родные (статья). Н. Власова — Снайперы (очерк). Бор. Бегак — Вяттели (очерк). А. Ситковский — Затяжной прыжок (стихи). Свою профессию надо любить (отклики на письмо «Стыдно ли быть портным?»). Сергей Диковский — На вулкани Авача (очерк). Ю. Нейман — Ваконовый мастер (статья).

Заметки об интересных книгах: Е. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год». Ю. Крымов «Танкер «Дербент». Памятные даты: Расстрел 25 бакинских комиссаров; Л. Н. Толстой (110 лет со дня рождения). Шхматы. Кроссворд.

Рисунки И. Гринштейна, А. Шульда, Ф. Решетникова. Фото И. Шагина, Д. Дебабова, И. Гушнина. Фотоотаж В. Морозова.

На обложке: Снайперы. Физкультурный парад в Москве. Фото И. Шагина.
На обороте обложки: Пирамида студентов Института физической культуры имени Сталина.

Вот она, гордость советского народа, Рабоче-Крестьянская Красная Армия!

На снимке: группа бойцов-огоничников Н-ской части Московского военного округа. На переднем плане — младший командир тов. Соловьев, которого РККА воспитала отличником боевой и политической подготовки, прекрасным агитатором и физкультурником.

1 сентября, по приказу наркома обороны маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, начнется призыв в РККА, Военно-Морской Флот и войска НКВД. Сотни тысяч сынов нашей родины, ровесников Октября, придут и станут в общий красноармейский строй, получат специальности артиллеристов, пулеметчиков, снайперов, связистов, для того, чтобы по первому зову советского правительства, Коммунистической партии, родного Сталина выступить на защиту священных границ страны социализма.

ДВАЖДЫ

краснознаменный

21 ОКТЯБРЯ (ст. ст.) 1917 года, за четыре дня до Великой Октябрьской социалистической революции, товарищ Ленин, разработавши план захвата власти, предложил выделить в особые отряды самые репутативные элементы (наших ударников и рабочую молодежь, а равно лучших матросов). Эти отряды должны были занять важнейшие пункты города. Задача, по выражению Ленина, требовала «отрочной смелости». Ильяч знал, что беззастенчивая храбрость, революционная отвага — отличительные черты рабочей молодежи.

Так в исторические октябрьские дни, когда решался вопрос, быть или не быть первому в мире пролетарскому государству, молодежи по призыву большевистской партии вала винтовки и уже не выпускала оружия до последних дней гражданской войны, пока последний враг не был выброшен из пределов советской земли.

В этой пятнадцатилетней борьбе советская молодежь бок о бок с коммунистами, со своими отцами и старшими братьями, защищая родину, вписала на ее героическую страницу в историю гражданской войны.

На баррикадах у Зимнего дворца и у стен Кремля молодежь в рядах красногвардейцев штурмовала последние оплоты власти буржуазии.

В октябрьские дни 1917 года 5 тысяч молодых рабочих в возрасте от 15 до 23 лет влились в ряды Красной Гвардии Петрограда.

В Москве в эти же дни члены союза молодежи «ИИ интернационал» выполняли самые ответственные поручения партии, дрались на баррикадах, шли в разведку, забирались глубоко в тыл врага.

В этих первых боях с контрреволюцией проявили свой героизм сотни молодых рабочих. 1 ноября 1917 года в Москве, на Остоженке, была убит конкирами Люся Люсинова, член союза «ИИ интернационал». Когда она была отключена, все четыре дня боя переживала раненая, под градом пуль носила десанцы. Пуля настигла ее в момент, когда она выполняла ответственное задание партийных товарищей.

В бою с конкирами убит был Митрофан Шаокин. Он вел в автомобиле оружие для рабочих. У Смоленского рынка автомобиль попал в руки инженер. Окошко, окруженный со всех сторон озверелыми офицерами, принял бой и отстреливался до последнего патрона.

Это были первые жертвы. В последующие годы советская молодежь не раз показывала высокие образцы героизма, защищая Советскую республику. К жесткой потовоюне Красной Армии ЦК ВЛКСМ в своем воззвании писал: «На великом и славном пути Красной Армии расквитаны тысячи безмянннх могил... Время стирает могильные холмы. Но никакие силы не могут стереть, стирать и уничтожить память о неустрашимых бойцах, смельках красноармейцах, павших героях славной смертью за дело рабочего класса».

1918 году Армии интервентов и белогвардейцев окружили железным кольцом Советскую республику. Немцы под Псковом, немцы заняли Украину. В эти дни рабочая молодежь Петрограда посылает свой отряд 150 человек под Псков, а молодежь Украины уходит в рабочие отряды Ворошилова. Так например все члены харьковского социалистического союза молодежи — около 500 человек — ушли на фронт без немец.

В октябре 1918 года состоялся первый всероссийский съезд революционной молодежи. Съезд, чей работой руководила большевистская партия, назвал союз российских коммунистичеком союзом молодежи и призвал всех членов организации отдать все свои силы на борьбу с контрреволюцией.

Весной 1919 года наступлением Колчака началась первая война

Антанта на Советскую Россию. Большевистская партия бросила лозунг «Все на борьбу с Колчаком!» И в ответ на этот призыв ЦК ВЛКСМ организовал первую всероссийскую мобилизацию комсомольцев. На фронт Москва послала 800 человек, Питер — столько же. Комсомол дал Красной Армии 3 тысячи бойцов. На южный фронт были отправлены 335 комсомольцев в распоряжение полководца 10-й армии.

Красная Армия разбилла колчаковские батальоны, но вскоре после этого Антанта организовала второй поход против молодой республики. В октябре 1919 года комсомол снова объявил мобилизацию, на этот раз против Деникина. Все комсомольские организации в половине фронта (а фронт растянулся на 6 губерний) ушли в Красную Армию. Остальные комсомольские организации дали Красной Армии одну треть своих членов. 10 тысяч комсомольцев участвовали в борьбе против полков Деникина.

Весной 1920 года пришла третья комсомольская мобилизация — на западный фронт против польских интервентов. Комсомольцами-бойцами были польских легионеров и под Киевом и под Варшавой.

Комсомольские мобилизации проходили с огромным энтузиазмом. В комитетах комсомола стояли очереди желающих записаться в Красную Армию. Нередко комсомольцы, оставленные в тылу для работы на заводах, уходили в Красную Армию самовольно. В Москве потребовалось специальное постановление, запрещающее молодежи самовольный уход на фронт.

Командование Красной Армии получало множество заявлений от 16-летних подростков с просьбой принять их добровольцами. «Мы умоляем... прислать в одном из таких заявлений... дать нам возможность вместе с нашими отцами братьями защитить пролетарскую родину». Уже к осени 1919 года на фронтах гражданской войны сражалось 70 тысяч комсомольцев (в ВЛКСМ насчитывалось тогда 96 тысяч человек).

Много героических подвигов совершила советская молодежь в эти годы. Не все дошло до нас, но достаточно даже того, что сохранилось в памяти очевидцев, в скудных воспоминаниях и газетных заметках.

18 комсомольцев под Киевом долго удерживали польские батальоны, прикрывая отход своей части. Озеровские белогвардейцы рвались вперед, но их встречала меткий огонь комсомольцев. Одни за другим погибли все восемнадцать, но красные войска успели укрепиться на новых позициях.

На южном фронте знаменит был бронепоезд № 93. Вся его команда состояла из комсомольцев-харьковчан. Поезд так и назывался «Коммунистичеком союз молодежи».

Весной 1919 года, когда Колчак подходил к Вятке, комсомолец Федор Ключихин собрал отряд из молодежи и привел его в 266-й полк. «Приниме новое пополнение», — сказал Ключихин. — «Нас 25 человек, стрелять умеем, драться умеем».

Как-то отряд Федора пошел в разведку и был окружен колчаковскими батальонами. В неравном бою часть бойцов погибла, часть была взята в плен. Колчаковцы жестоко пытали комсомольцев, требуя от них сведений о положении частей Красной Армии. Но комсомольцы молчали, и никакими пытками нельзя было выжать у них ни одного звука.

Советская молодежь помнит имена героев-комсомольцев: Архангельского, взорвавшего мост, чтобы преградить путь Юденуку и Петрограду и погибшего при взрыве; комсомольца Афанасьева, командира пулеметной команды, перед которым в напике отступила финская полиция; братьев Шегина, пулеметчиков-снайперов 21-го полка; Илью Мурдого, белорусского комсомольца, разведчика Чапшевского дивизии; Герасима Фетера, секретаря Иваново-Вознесенского губкома комсомола, героически погибшего на льду Финского залива при ликвидации кронштадтского мятежа, и многие-многие другие славные имена.

5 мая 1928 года в Большом театре торжественно открылся VIII съезд ВЛКСМ. Стоя под тысячами залетавших вышустов текст грамоты Центрального исполнительного комитета:

«Центральный исполнительный комитет Союза советских социалистических республик в ознаменование боевых заслуг Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи на фронтах гражданской войны в период 1919—1920 года, против Колчака, Деникина, Юденича, Беломорского и Врангеля, когда всеобщая мобилизация племян ВЛКСМ влияла в ряды Красной армии десятки тысяч революционной молодежи, доказавших свою преданность делу пролетариата героическими подвигами и отдавших свою жизнь за победу социализма—награждает его орденом «Красное Знамя»,—символом мировой социалистической революции.

* * *

Еще в то время, когда Красная Армия на последних фронтах добивалась врагов, товарищ Ленин, выступая на III съезде РКСМ в октябре 1920 года, выдвинул перед молодежью задачу строительства коммунистического общества.

Комсомол двинулся на новый фронт—хозяйственный. Здесь так же, как на фронте гражданской войны, советская молодежь была верным, преданным помощником коммунистической партии. Комсомол, вдохновленный призывом Ленина, овладевая знаниями, помогал восстанавливать промышленность в сельское хозяйство, бороться с голодом и разрухой.

Когда партия под руководством товарища Сталина, разгромив заклятых врагов народа: троцкистов и бухаринцев,—взяла твердый курс на индустриализацию страны, советская молодежь выступила ударной бригадой социалистического строительства.

В годы первой сталинской пятилетки советская молодежь выдвинула новое поколение героев. Комсомольские организации Москвы, Урала и Донбасса были застрельщиками движения ударных бригад. Это движение переросло в социалистическое соревнование всего рабочего класса.

Товарищ Сталин дал такую оценку этому движению: «Ленинский комсомол и руководящая им рабочая молодежь увеличивают дело соревнования и ударничества решающими успехами. Нужно признать, что наша революционная молодежь сыграла в этом деле исключительную роль».

Строились сотни новых заводов, шахт, электростанций. Снова, как в огненные годы гражданской войны, когда молодежь являла мобилизацию. Страна нуждалась в рабочих-строителях, и комсомольцы ехали, работали на новостройки.

У нас в стране есть огромные заводы, цеха и рудники, построенные целиком руками молодежи: Сталинградский тракторный завод, потица Днепровская, магнитогорская доменная, Гусь-Хрустальный цех Забайкальского алюминиевого и др. Велика была роль комсомола в строительстве Уралмаша, Московского металлургического, Горьковского заводов на Амуре—детские всеобщего комсомола.

Не было такого уголка в Советском Союзе, где бы не работали на благо родины комсомольцы. За годы первой пятилетки было мобилизовано на строительство не менее 350 тысяч комсомольцев. В год великого перелома в жизни деревни комсомольцы организовали 5 тысяч колхозов.

«Всюду, где требуется энергичность, самоотверженность,—говорил тов. Куйбышев,—инициатором выступает комсомол, своим энтузиаз-

мом заражая всю рабочую массу и превращая свою инициативу в общее рабочее дело».

И вот в январе 1931 года комсомол был награжден вторым орденом—орденом Трудового Красного Знамени. В постановлении Президиума ЦИК СССР было записано: «За преданную инициативу и вдумчивую и в деле ударничества и социалистического соревнования, обеспечивающих успешное выполнение пятилетнего плана развития народного хозяйства Советского Союза ССР. Президиум ЦИК Союза ССР постановляет: наградить Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи орденом «Трудовой Красное Знамя».

С тех пор прошло семь лет. Дважды красноречивый Ленинский Сталинский комсомол за эти годы принес школу второй пятилетки. Вместе со всей страной Россия достигла великих успехов. В рядах партии, советского правительства, лично товарища Сталина были созданы все условия для радостной и счастливой жизни советской молодежи.

Верный соратник товарища Сталина товарищ Киров, предельски убитый подлыми троцкистско-зиновьевскими бандами, назвал комсомол величайшим проводником партийной линии в подрастающем поколении. В этих словах заключена самая высокая оценка роли комсомола. Для комсомола нет ни одного дороже доверия большевистской партии, нет ничего важнее и святее партийного руководства. Гнусные фашистские шпионы, орудовавшие в комсомоле, пытались оторвать комсомол от партии, разложить молодежь и посеять среди нее неверие в дело партии, в дело коммунизма. У подлых врагов ничего не вышло. Комсомол под руководством товарища Сталина и товарища Кирова в ряды от троцкистско-бухаринской нечисти. Комсомол крепнет большевистскую бдительность.

Ключи и доверие Советской страны безгранично любят свою родину, большевистскую партию, своего друга и учителя товарища Сталина. И если понадобится, комсомольцы снова по первому призыву матери-родины выйдут на оружие для того, чтобы дать сокрушительный отпор врагу. Но это уже будет не та молодежь, которая в годы гражданской войны изучала искусство боя. В Красную Армию придут военные инженеры, командиры, тактики, искусные летчики.

Еще сейчас тысячи комсомольцев служат в Красной Армии командирами. Девятки тысячи комсомольцев учатся в военных школах и академиях.

В дни, когда у берега Хасан самураи посягнули на нашу землю и доблестная Красная Армия дала отпор зарвавшемуся врагу, в передовых цепях, в головных танках, в кабинках истребителей и бомбоискусств, у дальновидных орудий и у пулеметных прицелов—езде можно было встретить комсомольцев, героическую советскую молодежь.

«Идти в бой, мы ни на минуту не забывали того, что скоро исполнится 20 лет Ленинско-Сталинского комсомола, что вся страна готовит к этому дни воодарки матери-родины. Мы, как и бой, единодушно заявили, что лучшим боевым подарком будет полный разгром врага, отбита от него родной советской земли». С именем товарища Сталина, товарища Сталина на устах, с его образом в сердце, комсомольцы и несомненно молодежь шли в бой, показывая незабываемые образцы героизма—так пишут в письмах секретарю ЦК ВЛКСМ тов. Сталин равные бою и командиры Краснороссийского Дальневосточного фронта—участники боев с японцами.

Советская молодежь горючо благодарна родине за ту работу и поддержку, которые она встречает во всех своих начинаниях. Вот почему, готовясь к 20-летию юбилею комсомола, советская молодежь во всех уголках нашей родины охвачена сейчас единым движением. В подарок матери-родины готовятся все, что только можно сделать молодые патриоты.

Огромный путь прошел за 20 лет верный сын большевистской партии—Ленинско-Сталинский комсомол.

Комсомол—гордость всей страны. 20-летие Ленинско-Сталинского комсомола—праздник всего Советского Союза, трудящиеся молодежи всего мира.

М. АИГЕР

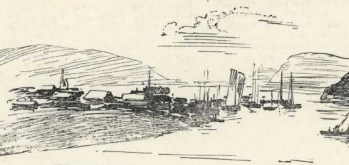
Добудем третий!

Самая строгая,
самая добрая родина,
лаадатилетний
с тобой прошагали мы путь,
два боевых,
трудом завоеванных ордена
ты положила
на нашу широкую грудь.
Ты нас сперва
беспристрастно, сурово проверяла,
с трудовой работой
всерьез познакомила нас.
Ты воспитала,
большие дела нам доверила.
Мы выполняли
любой твоей труднейший приказ.
Мы с коммунистами
шли под одним знаменами,
под боевыми знаменами
правды, свободы, труда.
Ленин учил нас не быть побежденными.
С именем Сталина
мы побеждаем всегда.
Ты воспитала нас
честными, крепкими, строгими.
Самодовольство—
нам самый отравленный шаг!
Двадцатилетие!
В ногу—крутыми дорогами—
к новым победам
стремим неуступчивый шаг!
Двадцатилетие!
В новое двадцатилетие
так же шагайте,
как в первом умели шагать,
чтобы звезда
заслуженного ордена третьего
на поблблнных знаменах пылать.
Общая слава у нас,
общая цель и стремления.
Орден у нас
зарабатывать не один.
Все свои знания,
навыки, силы, умение
родне-матери
с радостью мы отдадим.
Всей своей жизнью,
своею заслуженной славой,
всем, что достигнуто
нашей упорной борьбой,
нашими неснями,
играми
гордостью правую
мы прославляем тебя
и гордимся тобой.
Мы присягнем тебе,
жизнь, великая родина,
быть наготове,
в грядущих боях побеждать,
вместе с тобой расти,
чтобы третьему ордену
на поблблнных знаменах
звездой запылать.

самое лучшее и искусное, что только можно сделать молодые патриоты.

Огромный путь прошел за 20 лет верный сын большевистской партии—Ленинско-Сталинский комсомол.

Комсомол—гордость всей страны. 20-летие Ленинско-Сталинского комсомола—праздник всего Советского Союза, трудящиеся молодежи всего мира.

Николка Баженов

Рассказ

Никола Баженов родился на дальнем Севере, за полярным кругом, в рыбацкой деревеньке Пустозерье — в той саюди, про которую сложеная поговорка: с одной стороны — море, с другой — гора, с третьей — вода, а с четвертой — ох. Отец Баженова потонул, рыбака, когда Николке не исполнилось еще и года. Мать пошла на промысла одна. И рулеи, и паруси, и рыбацкой снастью управляла она лучше любого мужика-ловора, из старинной отполюской берданки была в лет с шестидесятью потрошными кишками — тех саюди, по которым Николка нычал в свое время обучаться грамоте.

Под одновитной, могучий и настоячий шум моря мать ушла с семилетним Николку рыбацким приметам, тому, что помысла от мужа, окончившего когда-то шкверскую школу в Кемь, тому, что вычитала сама из оставшихся четырех потрошными кишками — тех саюди, по которым Николка нычал в свое время обучаться грамоте.

— Ты думаешь, так просто... — говорила она, серьезно глядя в глаза сына. — ты думаешь, море знает? Ничего им не знаем. Ну и чм. Темнота. Про море, например, есть такая наука: логия, геометрия, навигация, астрономия, тригонометрия... Твой бытка все знал. Вот был моряк!

Взор ее туманился, она задумывалась, потом, прогвозд от себя тоску и глядя вдоль зоркими, привычными к бескрайнему горизонту глазами, приказывала:

— Учись. Бесули все играют. Ваднись?

— Вилку, — говорил мальчик.

— Ну, помни. Разматривай бесули — быть авдоию. Бесули волнение на море не любит. Удачайтасе ее. Помни? Вот она и воротит надидаться как надо. Играет себе и думит. Это примета верная. Не то что пятачная.

— А какая это пятачная?

— Глухость. Будто если на пятачину ветер сменится, — значит, крутой займется. Побрежушки.

А насчет гагар — это опять верно... На ко, отхолик бердеш...

Недоумная, мальчик был в руки тжедулю отполюской берданку. Мать отходила в сторону. Над белыми барашками волн сильно и круто барля орек.

— Вернее цель, — говорила мать, — не оговоз. Мальчик медленно поднимал ствол, брал взвод, потом вправо, вверх, вниз. И стрелял.

— Марун ты, — говорила мать. Но по последнему крику его скрепя, азгляд становился острее, походка стала цепкой — рыбацкая.

Деревня была маленькая, двора на семьдесят, и стояла у самого моря на голом гниевце. Дальше был мол, летом курдился болотом, зимой бескрайней пеленою лежала снега. Присоневший не случалось никак. Управлял деревенской купец Минеев — халуга и пивниш. Он скнул рубль, моршуху, замочу

чешую привозимым норвежским ромом, он же суада, давал в долг, пускал по миру. Все было ему должки. Потом как-то летом пришел на моторной шхуне норвежец Иверсен. Шхуна была красавей, легкая, чистая, Иверсен с'ехал на берег в шлюпку — грезный, очень вежливый, со всеми зарвался за руку, на ломаном русском языке говорил:

— Бок помощь.

Захлоп в избы. Воснислась чем-то, никто не понимал, чем. Всем ребятам подарили по леденцу. Два матроса ходили за ним следом. Матросы тоже были вежливые, один из них, встретив на узвке женщину, которая нешла вправо в море, взял у нее вправо из рук и донес ей до дому. Оба матроса были чистые, рослые, в меру толстые. Походили по деревне, Иверсен уехал на шхуну.

Пока он был на берегу, Минеев спал. Потом Минеев вышел из избы, посмотрел на море, увидел шхуну и испугался. Два дня он не шел, ходил пяталик, пришибленный. Шхуна все не давалась. Никто не знал, зачем пришел Иверсен. Понимали только, что Минееву это не нравится.

На третий день два матроса-норвежца, выбритые, напизажинные, в синих сухонных куртках, приехали за Минеевым. Минеев одел шубку, пойд сибирку розовую шоловную рубашку, расчесал бороду по-генеральски на две стороны и сел в шлюпку.

Спать сделалось тихо. Шхуна стояла недвижимо, норвежский флаг коммерческого флага развевался на ее мачте.

В воскресенье, в полдень, Минеев высидели на берег вместе с Иверсеном. Лишь его, безобразно распухшее от трехдневного непрерывного пьянства, выражало бешенство.

Собрался сдох.

— Рыбак, — сказал Минеев, — я вам больше не хозяин. Вып вып хозина.

И он показал на Иверсена.

— Так, — невозмутимо сказал Иверсен, — я.

— Он! — крикнул Минеев. — Я ему все проиграл назад, продала моя годовал...

Кипуча карта у земь, он стал топтать его ногами, потом варгуд пошел на Иверсена бокком, тараша глаза, воя от злобы. Два матроса скрутили ему руки за спину. Он рванулся.

Тогда один из норвежцев со страшной силой ударил Минеева в ухо.

Когда кипуча уволокли, Иверсен сказал:

— У кого был долг, нет долг. Понимай? Ничего. Никто не берет долг. Оу Рыбак! авольновались.

Иверсен поднял руку и сказал серьезно, с грустью:

— Бок все выйдати!

Потом добавил:

— Весь рубль я покупаю. И платить. И размен на норвежский товар. Лючий.

Ночью к Иверсену на шхуну отправлялся еще деревня, да дети и старички. Шхуна, несмотря на белую ночь, была ярко расцвети

чена невзданными электрическими цветными лампочками, на баке непрерывно играл граммофон с большой трубой, матросы-норвежцы весело улыбались, а в трюме-магазине шта бобойн торгивали. Иверсен всем все продавал в долг и не только при этом не грулся, а наоборот, хлопал рыбаков по плечам, сверкала белыми зубами и говорил:

— Забавит. А? Кеват? Сеть? Пичева? Кюнда? Цукер? Ром?

Колька с матерью тоже были на шхуне, мать хмурялась и ворчала:

— Он и хитер бобер! Он хитер! Но потом не выдержала, пошла в магазин, набрала в долг смолы, гвоздей, ведр, пороку и дрови. Пока распивалась в ките, Иверсен сиял в волки корочку и протанул ее Кольке. В коробочке были конфеты.

— Кадо.

Мать покраснела и улыбнулась.

Незадолго до отхода шхуны Минеев поехал к Иверсену с поклоном. Иверсен назначил богатого когда-то купца своим приказчиком в нескольких поселках и деревнях. Передавая, будто Иверсен сказал Минееву, что, может быть, он, Минеев, еще и выйдет в люди. Пока шхуна стояла, Минеев дергался, когда шхуна ушла, — заплак. Пивниш, с глазами, налитыми кровью, он как-то набросился на старосту Григорьева, сваяты его за горло и, вероятно, залучила бы на смерть, если бы не люди. Сазаваниш, он бился и кричал:

— Продама меня, шкурй! Вып купец, теперь я кто? Кто я? К норвежку пошла? Погодите, погодите, вспомните меня...

Иверсен вернулся к лугу.

— Лов был хороший. Иверсен принимал рубль точно, по весу, ходил с сизгаркой, улыбаясь, как дичва хлопал рыбаков по плечам.

Кольку тоже хлопал по плечу. Рассчитывал рыбаков, не просто хлопал дельтами, а давал еще и дельтоск. На дельтоск было много цифр. Денер приходило на каждого совсем мало — копееки. Рыбак прутялки. Минеев, спол у весов, помылся, славгаз карту на нос, подмигивал. Но Иверсен поперечному сколько угодно влезал в долг; ром и спирт было много — деревня запала и пива беспороду до тех пор, пока не сторили две избы. Иверсен дал погорельцам на озвладнение кредит, принял последнюю рубль, запустил моря и ушел до следующего моря. Рыбки молча стояли на берегу, провожали шхуну.

День был безветренный, тихий. Когда шхуна скривалась из виду, Минеев сиял картуз, вытер потный лоб и неторопливо спросил:

— Ну, мужички?

Колька рос, вытягивался, бойко вслух, с выражением читал логику и геометрию. Геометрия была ему непонятна, никто в деревне не знал, что это такое, он читал ее и удивлялся, по все-таки читал. Прочитал отпо-

скую астрономию и иначе стал рассматривать ночное небо. Однажды объяснил двум рыбакам-старикам, что такое северное сияние и отчего оно бывает. Старики поверили. Про Николку Баженова стала говорить, что из него будет, чего доброго, штурман или даже капитан.

— А чего ж, — вызывающе соглашалась мать, — наколю денег двадцать пять рублей — поедет в Архангельск. Научится как человек.

Но накопить удалось только 7 рублей. Однажды вечером Минеев Колька с матерью поехали к шхуне славить рыбу. Море было чисто. Мать надела правильное платье, на Кольку была новая коломаньковская рубаха. Пока плали, разговаривали о разных хозяйственных делах, обсуждали, чего надо взять у Иверсена, каких крычюков, сколько смолы, сколько бичевек, брать ли бочек или можно обойтись со старыми.

Плали медленно. Чем ближе подходила к шхуне, тем слышнее была музыка: Иверсен, должно быть, приняла гостей.

— Становой пристав до него поехал, — сказала мать, — гуляют, слетает. Небось, рыбукто не привит.

— Назад? — спросил Колька.

— Ничего, поедем, — сказала мать.

На бике играл граммофон с большой розовой трубой, и над тихим морем гремел бас.

— Мам, давай ничего не будем покупать, а купим себе граммофон, — предложил Колька.

— Ладно ты, — сказала мать.

Парус заплюскала, мать развернула ладью, со шхуны несся пыльный смех. У кормы шхуны было привязано несколько лодок. Но лодкам Колька вслух сределал, что на шхуне.

— Тая длинная, небось, с управы — говорил он, — тая крашеная — Минеева, а мам? А под названием «Стропа» — это пекоская, отца Павса...

У, гуляют... На бике стоял стол, накрытый скатертью, там купало все окрестное начальство. Было видно, как Минеев, лысый и бородастый, вылезал к борту с карабином и выстрелил в воздух.

— Ур-ра! — закричали гости.

Ладья медленно пошла к шхуне и скрипнула, цепляясь за обшивку. Минеев смотрел сверху вниз. Лицо у него было красное, сияла борода сбавля в комок, глаза ганделя бесмысленно.

— Привезла, — сказал он, — опять привезла. Пустия меня по миру и радий?

— Ой, написали! — сказала Колькина мать.

— Забирайся стодолд! — кричала Минеева.

У борта толпились гости, смеялись. Иверсен курил трубку и покривлялся на ломаном русском языке:

— Бок мир любит, бок ссор не любит, влофа надо желейт... Влофа рыбу привозит?

Спустили трап, кривоногий норвежец-матрос бросил концы и спустился помочь укрепит ладью. В это время сверху загремел выстрел. Колька поднял голову. У борта шхуны стоял павный Минеев, карабин еще дымился из уло. Гости, Садаи что-то мягко и грузно упало.

Он оглушился. Мать лежала возле бочек с треской. Навстречу валуд поднялся шум.

— Ты что? — спросил Колька, еще не понимая. — Ты чего лежишь?

И тотчас же заметил, что подбородок матери в крови и что она дышит часто и коротко. Он бросился к ней.

Кривоногий норвежец, не закрыва концы, влез по трапу наверх. Ладья, царапа обшивку шхуны, медленно пошла по течению.

Мать умирала молча, держа руку сына в своей холодощей руке. Черные ее глаза наполовину слезами, потом все лицо дрогнуло, она попыталась приподняться на локте и не смогла.

— Мам, мам! — в ужасе крикнул он. — Мам...

Он стал толкать ее, рвал за руку, за плечо. Она смотрела вверх, и валуд он понял, что ее уже нет, что она уже умерла и что он один в море; что хоть она здесь, с ним, но ее все-таки нет...

Открыл рот, плача, смиркаясь, он глядел на нее, потом вскричал на ноги, закричал, что было сил, сразу же сорвал голос и затих.

Шник медленно уходил в море.

Срывая на руках кожу, Колька поставил парус, навязал на штурвал, развернула судно и пошел в бухту, к дереву. Мать лежала на бочках строгой, неподвижная; он старался не оглядываться на нее, стоял у штурвала дрожащий, мокрый от пота.

Тотчас же, задыхаясь, он рассказал обо всем, что случилось. Поморы собрались на берег — вечер был тихий, солнце в эту пору года не заходило вовсе. Шники подгивали на кочерг и на приколе воде местосны. Дымил котлышня. Прибой чуть бил о берег. Поморы стояли вокруг тела Баженовой, сияя шариками, угромо помалкивали. В голос валуд заржала женщина, потом другая, потом еще одна. Староста Трофимов сурово прокричалась, потом сказал:

— Но вы, бабы-рыдальницы! Потихе!

Помодал и добавил:

— Чего булешь-от делать? Небось, на шхуне все начальство собралось. Иди, пари, до лому. Иди, иди, не тоскуй.

И пошла Колька за плечем в шхуну.

Он шел, плакал. Потом обернулся и сказал старосте:

— Да мамшуту убили с карабина. Я сам видел.

— Понимаю — муру ответил староста.

Он жил один, сначала в материнской шхуне, потом ибури продал и в-ново жить в лоду. Помор побогаче — Ничанур — взял его к себе в работники. Мужичи не хватало. Баженов жил снос, жилост, годился на всякое дело, лишник сил не тратил. Кроме того был грамотен, читал Ничануру письма. Ничанур этим годился, говорил:

— У меня работник толковый. Грамотей... Я-ему позволено письма читает. Баам-от, солдакам.

В шестнадцатом году Иверсен к окончанию лова не пришел. Минеев собрал сход и сказал, что Иверсен теперь уже врал ли придет и что рыбу надобно славить ему, Минееву.

Минеев перестал пить, сразу растосствел, привез себе лаковые сапоги и, как Иверсен, стал хлопотать рыбок по плету. Рыбу он забирал за долги Иверсену, потом увез, продал, и, только вернувшись, заплатил, но такие гроши, что деревни сразу же начала голодать.

Весною вернулся из ярми, с фронта, на побывку солдат Ермолаев, привез немецкую каску и немецкий револьвер. Глаза у него были сонные, голубые, говорил он лениво, с растаяшкой и на все рассказы о Минееве усмехался и отвечал:

— Глухой ярод!

Баженов спрашивался к Ермолаеву: ему казалось, что Ермолаев знает что-то такое, чего никто в Пустозерье не знает.

— Ну, что уставался? — спросил как-то Ермолаев.

— Продай пистолет, — хмура брови, сказал Баженов.

— Ай стрелять? — лениво спросил Ермолаев. — В кого ж это?

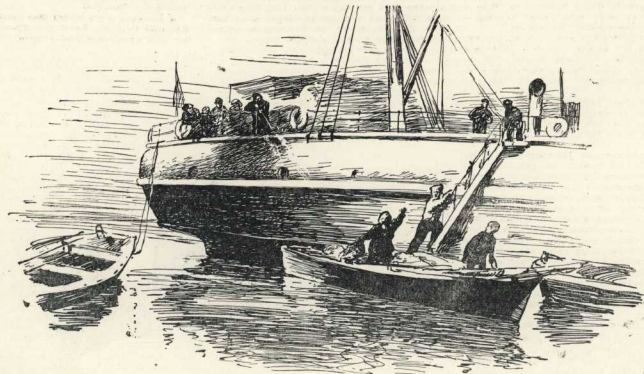
— Баженов молчал.

— Не продашь?

— Нет.

— Ну одожи!

— Пошел ты! — лениво сказал Ермолаев. — Тоже нашелся... В Минеева, что ли?

В это время сверху загремел выстрел...

— Он мою мамашу встретил, — сказал Баженов, — что же ему тогда жить... Суда никакого нет, урядник засада.

— Погоди, — загадочно сказал Ермолаев.

...К осени один за другим стали возвращаться с фронтов солдаты. Баженов толкался среди них, слушал их разговоры, играл по ночам изморосный солдатик. Последним зимой пришел изморосный солдатик Промель. Промель уже кончился, рыбак вернулся в дерзново. Минеев шелкал на счетах, платил один четверть за дерзновом: три четверти шла за долги. Бажиков прямо с долгами, махнул рукой на плечи, багровый от мороза, ввалился в избу к Начунову, где происходила сходка, сел на лавку, послушал, потом сказал:

— Это дело, полюбуйся, — надо отставить.

— А ты кто, голубчик? — спросил Минеев. — Ты откуда пришел? Не из острога арестант? — сказал Бажиков, поблескивая зубами. — Вы для меня последняя вещь. Я считал, чтобы вы моментально вернули товар рыбакам.

— Чего вернул, — спросил Минеев.

— Товар, — сказал Бажиков, — рыбу.

Он вруге встал, победил и пошелся к столу, за которым сидел Минеев.

— Объясню, — сказал он, — керенские деньги недействительны. Красная. Никакого Временного правительства больше нет. Имеется только постоянное правительство рабочих и крестьян. Купцов нет. Помешков нет. Ничего такого нет. Газов мы беспошечно даем.

Он, дрожа от возбуждения, вынул из кобуры наган и ткнул стволом в бороду Минееву:

— Шел вы, — сказал, — падал.

Минеев встал.

Иди, удавись, — сказала Бажиков, — жалеею на тебя тронать стратить.

Минеев, пятясь задом, вышел.

Бажиков суная наган в кобуру, сдвинул солдатку по плечу и начал говорить решительно. Народ все прибывал. Повернуться было уже негде. Махорочный дым выедал глаза. Помойки спрашивали, Бажиков отвечал, что знал. Знал он немного, но в кобуру, как и было полагается достаточно. Бажиков сидел разгоряченный, потом испугался и вышел вон из избы.

Минеев нигде не было. Бажиков бегал со двора на двор, выискивая купца Промеля. Тогда Бажиков зашел домой, переобулся, набрал в торбу хлеба и рыб и вышел на улицу. Морозило, но не очень. Он выбрался за околицу, влохмух и зашагал прибрежною тропкой, единственной, по которой мог уйти Минеев. С моря поддувало, снег тихо шипел, несло поземку. Бажиков шагал размышляя, лицо у него горело от ветра, чуть лежал дальний — много верст, неизмеряемых, запоздалых.

В поселке Мизенском ему сказали, что купец Минеев-де, правда, прошел нездорово, спрашивая карты и соборную уряднику. Их не нашлось, тогда купец Минеев выругался и, не отведая предложенной похлебки, зашагал дальше.

Баженов постоял, подумал:

— А давно ли я приехал?

— Да кто его знает, — сказал старичок, — им-то ни к чему. Часа два, должно, прошло.

Баженов опять пошел. На ходу поед съезжалося хлеба и, наконец, на дальнем снегу заметил черную точку. Точка двигалась медленно. Баженов надалл ходу. Прибрежные скалы, что зашипали вправо, от морозного сокрушительного ветра, здесь внезапно окончились. С моря со свистом понеслась поземка. Минеев шел не оглядываясь, Баженов вынул кольт и выстрелил в него. Купец остановился.

В сером свете полусочасового полнорядия он казался медведем в своем меховом малахе и в шапке-сибирке.

— Ну чего пашить-то? — спросил он, когда Баженов был совсем близко.

— Да ничего, — сказал Баженов, — вдвоем, несешь медведя.

Минеев промолчал. Пошли рядом.

К ночи дошли до неустыжных осей.

Напомали ветвей, выкопали в снегу яму, тору, и забрался в нее. Стало теплее. Тишина стояла такая, что было слышно, как с деревьев комьями падает снег.

Баженов не спал, но дышал ровно, спокойно, притворялся, что спит. Среди ночи Минеев

встал его за горло и навалился на него всем своим грузным телом. Баженов жал этого и выстрелил из кольта в упор — пуля пропорола кушшу мякоть плеча. Он завыл. Превозмогая удушье, кашляя и плюясь, Баженов перевалил тушу Минеева на спину, вытащил из малаха Браунинг, спиртал его к себе и только тогда заснул сплху.

— Ну чего? — спросил он. — Чего орать? Убьешь? Разведешь олежки.

Минеев, попрежнему живой, разделился. Баженов перевалил ему трямкой руку, велел руку держать на перевязи. Потом назидательно добавил:

— Было б тебе меня не душить.

И отвернулся.

Остаток ночи Николай проспал спокойно, хотя Минеев и охал бес перерыта. Утром, так же темным, как ночь, поднялся, пожевал хлеба и приказал:

— Вставай!

— Отпусти душу, — сказал Минеев, — дай помереть.

— Помереть ты, как же! — сказал Баженов. — Знаю я, Вставай!

К вечеру купец попросил хлеба. Баженов дал и хлеба и рыбы. Идти приходилось нешкливо. Минеев задыхался, тараясь глаза, плакал. Чувство яме, такой же, как давеча, он спросил:

— Куда ж ты ведешь-то меня, парь?

— А на суд, — просто ответил Баженов, — на суд, судить.

— За что же судить?

— За мамашу, — сказал Баженов, — за все.

Слыть было холодно, нога у Баженова болела, тело сводило морозом. «Пожалуй, что и не дойти, — вдруг подумал он. — Окошеешь на такой погоде. Но к утру забьется. Купец кланд зубами, притворился, что у него сорочка.

— Не дури, не дури, — хриплым от стужи голосом сказал Баженов, — нечего тут... Опять пошла.

На четвертые сутки Баженов отморозил шеку, она побелела, он заслезился третью снегом — не помогло. Купец сказал:

— Все равно не добьес, подохнем!

— Ай, добьес, ай, добьес, Баженов.

— Да куда, дурак, дойдешь-то, куда?

— До железнодорожной.

— А там?

— А там столичный город Петроград.

— Ну?

И все.

Ночь проспали обнявшись, согрвая друг друга; оба понимали, что так труднее замерзнуть. Спали, тесно прижавшись друг к другу, дышали один другому в лицо. Под утро купец здоровой рукой наделся вытаскивать из-за пазухи у Николая кольт, но Баженов проснулся, ударил купца в зубы и опять уснул.

В рыбацье село Малое пришла ночью. Поступившая в первую же нубу, Баженов рассказал хозяевам все, что слышал от солдата Бажикова, тем же словами. Кроме того сказал, что ведет на железную дорогу купца Минеева, шуру и паразита, и себе было жарко натоплено. Минеев сразу же разулся и лег на пол. Про революцию рыбаки уже знали больше чем Баженов, на ушибенного мучителя смотрели с удивлением. Ибо никто — им не жалко. И Петроградское конное дело, его посядут честь по чести. Большой будет суд. А ты, паря, тоже все обяскай, как он нас, потченных рыбаков, в пьяном безобразии за борта таскал. Слышь, парь?

— А чего ж не сказать, — сказал Баженов, — будьте спокойны.

Нахлебавшись ухи, Минеев уснул, а на утро им дали карты с урядника, и они духом домались до соседнего селенья. Черн три недели пути им открылись станица, рельсы, которых Баженов никогда еще не видел, и длинный красный состав из тележечек.

За много дней и ночей железнодорожного пути Баженов узнал столько, сколько не узнал за всю свою жизнь. Пока что он только узнавал, да гадал: думать не было времени. Минеев подорожи сразу, потом начал молчать. Отпустит он больше не просид, но за день до Петрограда попытается ударить. Его попиали и под смех всей тележечки приваляли за ногу наиткой к дверной скобе.

В Петрограде Баженов отвел Минеева в Чека. Следовательно, старший человек в железных очках, с русыми, черными и металла и машинного металла, молча услышал Баженова, потом сказал:

— А ты, молодой товарищ, про Красную Гвардию что-нибудь слышал?

— Слыхал. То есть нет, — сказал Баженов.

— Ну, я тебе расскажу.

Он рассказал. Минеев сидел тут же, на стуле у двери. Глаза его слезились.

— Как а тогда поди завиньшусь, — сказал Баженов.

— Иди.

Баженов вышел.

Следователь понахляпал, поглядел на Минеева из-под очков, потом сказал:

— Давайте, панаша, садитесь поближе. Как вам будет фундашь?

А Баженов в это время шел записывать в Красную Гвардию, воевать, учиться, — мало ли что еще предостало ему в жизни...

В Петрограде Баженов отвел Минеева в Чека.

Рассказ

Я лично знал Карла-Марию Таубе и могу рассказать о нем подробно. Вы только, прошу вас, взгляните в железнодорожное расписание: сколько нам осталось еще ехать до Хабаровска? Ну, этого, я думаю, хватит на то, чтобы рассказать о нем подробно.

Я старый циркач, мне шестьдесят лет, а из них пятьдесят два я работаю на манеже... Сколько людей, сколько городов и стран я видел, можете себе представить? Цирковые артисты как моряки: токе ездят из страны в страну и видят на всех языках пономешку говорят.

Как вы видите, я теперь еду с коллективом молодых артистов, они новички растут в нашей школе циркового искусства в Москве. Я имею большую честь в этой школе быть инструктором, школа эта — одна единственная в мире. Это большая радость, что можно говорить артистов для манежа, настоящих артистов, а не учить их кулаками за кулисами, как в других странах. У меня у самого ребрю слышно от той науки, которую мы проходили, даю слово. Цирк — это есть древнее искусство, и в капиталистических странах он уже стал почти кафешантаном или мюзик-холлом, здесь нас в Советской стране цирк снова возрождается, и мы должны давать новых артистов, чтобы они были не хуже зрителей. Советский зритель — культурный зритель, и ему не надо, чтобы артист рисовал два-три человека или даже животное, ему надо, чтобы артист показал ему замечательное человеческое лицо и как это тело может быть сильным, изящным, ловким. И настоящие артисты, настоящие культурные артисты и настоящие советские граждане, это можно сказать смело. У нас есть в школе актеры и певцы, грузины и узбеки, осетины и сваны, много разных народностей. Теперь мы едем давать гастроли в Комсомольске на Амуре и в других местах. Но я опять отклонился и теперь уже буду держаться прямой линии.

Это было, когда мы токе ездили коллективом в новый город, вы, наверно, слышали, это новый порт Игarka. Там мы давали гастроли, и там мы встретились с Карлом-Марио Таубе. Надо сказать правде, что он, он сын ресторанный официанта из биргалде в Мюнхене, но отец его умер. Тогда его взял к себе дядя, этот дядя был циркач из шпанго, он ездил по всей Германии. Но разве, до войны, можно было ездить с шпанго по всем дорогам, а во все времена, и во Франции, и в Италии, а теперь стало плохо, из какой Германии наши стали делать пельменей дела, людьми там совсем не до циркового искусства, даю слово. Одним словом, Карл-Марию голодад у своего дяди, а дядя учил его цирковому искусству старинными способами, да грасспанаметоды, это значит, что он его был без понады. И на завтрак, и на обед, и на ужин Карл-Марию получал свою порцию баварского кулака. Тогда Карл-Марию получал, что он съел дядиными кулаками, и он бежал из дядино шпанго. Он поствуля в Гамбурге на американское судно младшим стюардом и думал, что для него будет некий уютный номерок и на этом судне Карл-Марию бежал из дядино шпанго. Карл-Марию бежал токе очень сильно. Он снова уходит, и он служит (малычу всего шестнадцать лет) стюардом, и зной, и по-

мошином повара и на «Жаннетте», и на «Оклагоме» и на «Леди Смит», и на «Ливерпуле», и на других пароходах и теплоходах. И его везло сильно было, потому что такое мнение существует за границами нашей страны, что цирковому искусству и морской работе можно научиться только кулаком.

На «Оклагоме» он приходит в порт Игarka, за лесом. И тут он идет в цирк и видит наши аттракционы и узнает, что есть школа циркового искусства и что в этой школе вовсе не бьют, а цирковое искусство изучают и становятся хорошими циркачами, парбе! Что же делает Карл-Марию? Он бежит с «Оклагомы» и прется так, что никто его не может найти. Он ждет пока «Оклагома» уйдет, и тогда вылезает, и идет ко мне, и хочет взять его с собой и помочь поступить в школу циркового искусства. Он рассказывает, как его били в дядином шпанго, как его били на парусниках, как повар выбил ему два зуба на «Оклагоме» и какие кулаки у его дяди каптали на «Жаннетте». Он все это рассказывает, но он не плачет, он рассказывает, стиснув зубы, вот так... Тогда я берусь его устроить, у меня нет сына, и мне Карл-Марию очень понравился. Мы приехали в Москву, и он поствуля в школу циркового искусства и все его полюбили. Он был очень молчаливый, и его удаляло, что никто никого не бьет, и что молодые циркачи называются студентами, и что надо изучать не только работу на манеже, но проходить курс десятилетия и быть образованным человеком, а не только циркачом.

Он стал учиться очень хорошо и на манеже и по всем предметам, и я, старый циркач, увидел, что из этого малышка выйдет так и что он со временем будет украшением самого лучшего манежа. Тогда я придумал ему замечательный номер, бриллиант-аттракцион, даю слово. У него был хороший баланс, но еще лучше глазомег, и я придумываю ему аттракцион: свехспайнер. Он учится стрелять в любую цель и в любой плазмоний, даю слово. Он может стоять на голове спиной к цели и стрелять и попадать в это из ста возможностей. Карл-Марию показал способности хорошего жоулера и даже крафт-арсбота, но в этом номере он был неподражаем...

И вот так проходит три года, и я вижу, что он полюбил нас как родных, наш коллектив

Стреляя из пулемета, потом из винтовки, потом из револьвера, пока не свалился, истекая кровью от нескольких ран...

стал его фамилии, его семьи. Если нужно кому помочь, он рад помочь, если наши студенты и свободный день ищут в Третьюскую газетку, или в Исторической музей, или в Музей Ленина, он идет токе.

И вот происходит выпуск из школы, и лучшим номером нашей программы становится свехспайнер Карл-Марию Таубе, и за этот номер мы имеем благодарность от управления Госцирка, и я везу нашу молодежь как руководитель в первое турне. Вы знаете, что такое первое турне для циркового артиста? Это же вроде того, как молодой голубь вылетает из гнезда в первый раз и летит в высоту и радуется солнцу и ветру, даю слово.

И вот наш коллектив едет на юг, это все молодые артисты, среди них есть хорошие партнерские акробаты, есть воздушный акробат, есть велосипедист, есть два джигиты: один — черкес, другой — узбек, есть также очень хороший номер: три жукты исполняют тимчаскический национальный танец-бег. Но самым лучшим номером программы у нас свехспайнер Карл-Марию Таубе, мой ученик. И вот мы едем с нашим молодым коллективом в разные города, и наша программа имеет большой успех. Мой Карл-Марию работает так, что публика делает ему овации. Все идет хорошо. В Ворошиловграде успех, в Ростове на Дону успех, в Татарском устье, в Маргелане успех, и вот мы приехали давать представление в Новоросийск.

Уже приближается время спектакля, я стою на манеже и даю некоторые указания, тут же стою некоторые из наших молодых артистов, и вдруг случается такой довериец, какого я не могу вспомнить за все мои шестдесят лет. Через вещь манеж идет Карл-Марию, и он очень бледный, и походит, и говорит: «Я не могу принимать участие в представлении... Почему ты не можешь?» — спрашиваю у я него, а сам вижу, что он очень изволнован. И Карл-Марию раскрывает рот и говорит нам всем, что он не может принимать участие в представлении, потому что он уезжает. Куда? Мы стоим рядом ним растерянные и спрашиваем: «Куда? Воиня? Куда ты уезжаешь?» И он снова раскрывает рот, и весь такой же бледный, и даже губы у него стали бледнее, как этот мой носовой платок, и говорит, что он напился этой по один заграничный переход и уезжает за границу...

Мы ничего ему не сказали, и он больше ничего нам не сказал. Мне показалось, что он хотел показать мне руку и показать руки своим товарищам, но он вдруг повернулся и пошел к выходу. А мы стояли на манеже как каменные и смотрели ему вслед. Вот он исчез за дверями. Тогда мы посмотрели друг на друга, но продолжали молчать. И потом я взял себя на короткий повод — у каждого человека должны быть шенкеля и короткий повод для самого себя — и сказал:

— Наша программа — хорошая программа, и мы будем ее давать без свехспайнера. Публика уже идет в цирк. На манеж, товарищи! Первым номером программы будут джигиты, а вторым...

Мы дали представление, и мы работали на манеже очень хорошо, и публика была очень довольна, но мы работали как во сне. Мы не могли себе представить, что Карл-Марию Таубе изменил и на этом манеже был нашим товарищем, а теперь покинул нас и уехал на иностранном пароходе. Значит, наша любовь, и наша ласка, и наше уважение, и

мой работа с ним провали? Я вспомнил, что в старом цирке такие случаи бывали, меня самого оставил мой компаньон перед самым представлением, это было тридцать лет назад, в лондонском шпидроу-цирке, но это же было в старом цирке! И вот оказалось, что и я... Мы ничего друг другу не говорили, мы молчали; больше о Карле-Марии Таубе мы часто в нашем коллективе не скавал ни одного слова. Как будто его и не было никого на свете... Но я старый человек, и мне по ночам не спится, и я возвращаюсь на своей койке до утра. И хочу я или не хочу, перед моими глазами встает человек Карл-Мария, такой хороший, такой честный мальчик, который замечательный циркач и снайпер, который так жестоко покинул нас...

Прошло много времени. И однажды мне в школе говорят, что получилось для меня письмо из Испании. От кого может быть письмо из Испании? У меня были так когда-то знакомые писатели, была еще очень хорошая эскилибристка Кармен Лопес, но разве теперь в Испании людям до цирка? Им надо драться за свободу и бить фашистов! Я беру конверт в руки и вижу, что получилось для меня письмо из Испании, даю слово. Тогда я вскрываю конверт и вижу, что это письмо от командира батальона «Чапэв» Отто Брунера. Вы, наверное, знаете, что этот батальон входит в состав Интернациональной бригады испанской республиканской армии. И вот командир Отто Брунер пишет мне, что в радах батальона сражался отважный боец Карл-Мария Таубе, что он дрался с фашистами под Терузелем и под Малагой, в горах Сьерры-Невады и у Пособланко, и у Брунете. Словом, везде, где дрался батальон «Чапэв» геронической бригады. И Отто Брунер пишет дальше, что боец Карл-Мария Таубе был одним из лучших снайперов бригады, что он не встал страха и бросался в самые опасные моменты боя. Затем командир батальона пишет, что Карл-Мария Таубе взял с него слово, честное слово бойца Интернациональной бригады. Какое же это честное слово? Это честное слово — в случае, если боец Карл-Мария Таубе погибнет, немедленно написать в Москву, в школу циркового искусства, мне, старому циркачу. И Отто Брунер писал, что снайпер Карл-Мария Таубе просил его написать, что он считал меня отцом, а всех наших товарищей по коллективу братьями и сестрами. Что мы для него самые дорогие и близкие люди во всем мире и что он просит извинения за то, что ему пришлось убито, но он не мог сполножить жуть, когда узнал, как германские летчики убивают женщин и детей в Испании. Отто Брунер заключил свое письмо тем, что сообщил нам о геронической смерти Карла-Марии. Он оставался один в развалинах дома, присыравая своим телом эвакуацию раненых бойцов, сначала стрелял из пулемета, потом из винтовки, потом из револьвера, пока не свалился, истекая кровью от нескольких ран...

В это время пришла подмога, и наши бойцы отбили тело Карла-Марии Таубе у озверевших фашистов. Он был мертв, и его хоронили с большими почестями, но чужим было не было такого бойца или командира в батальоне, который не любил бы Карла-Мария Таубе. И вот сейчас в батальоне такого бойца или командира, который не чтил бы память геронического снайпера, бывшего циркового артиста Карла-Марии Таубе.

Конеч письма командира Отто Брунера мне дочитали другие, я старый человек, мои глаза стали портиться, и у меня часто мутится зрение, но я вижу не только глазами... И я сразу увидел перед собой Карла-Мария Таубе, и я сразу понял его, и я теперь стою перед моими глазами, мой Карл-Мария, мой честный, молчаливый, хороший мальчик.

Мы меня простите, если я сейчас немного прилгу, я хочу поспать до Хабаровска, как видите, я стал очень утомляться, я стал теперь настоящим провалом среди цирковых артистов. Но стоит мне только выйти на манеж, и я снова молодое. Нет, нет, не беспокойтесь, мне удобно, и проспало, наверное, до самого Хабаровска, если только успеете заснуть после долгого рассказа. Но я думаю, что мне стоило рассказать вам о моем Карле-Марии, о снайпере Карле-Марии Таубе, боеце батальона «Чапэв». Это честное дорожное для меня воспоминание, даю слово...

Хэлико попрощался с ветеринаром.

ЧУЖАЯ ТРОПА

Рассказ Ив. Меньшикова

Ветеринар спустился к озеру, зачерпнул в стакан холодной воды и поставил его на кочку. Поплескав на лицо, он стал бриться. Лезвие бритвы было хорошо отточено, и синяя длинную поросль жестких рыжеватых волос, он почувствовал давно неиспытанное удовольствие культурного человека. Потом Леонидом Петровичем вновь овладело нудное чувство одиночества и тоски. Вечер он получил от секретаря окружкома партии коротенькую записку и бритвенный прибор. И, может быть, потому, что записка была написана в дружеском тоне, она еще более обидела Леонида Петровича. Секретарь окружкома писал:

«Дорогой Леонид! Неужели жалуются, что не имеешь возможности побриться, так торопишься в Ленинград. Посылю бритвенный прибор. Категорически напоминаю — гонять совхозные стада по соседним тропам¹, кулаки слухи распускают. Окончивший прививку, дадим отцов, и даже вообще можешь протряться с тулупой. Жму лапу. Ванюта».

От сонки к озеру спустился Хэлико. Он был невысокого роста, но в кривых ногах и крепко сбитой фигуре его чувствовалась уверенность и сила. Черные глаза и верные волосы, подстриженные кружком, придавали ему хитроватый и в то же время протодушный вид.

Хэлико приехал в совхоз подмогой тому налад на тошда, едва переставляя ноги оленя. Почтительно улыбаясь, вошел он в палатку ветеринара и попросил работы.

— Превидьте ваши документы, — попросил Леонид Петрович.

Хэлико попарил у себя за пазухой, потом протянул черные руки с мозолями на ладонях и сказал, что у него документов здесь нет, но, наверное, в Обдорске остались, где погубил от худой жизни у кулаков его семья. Если начальник не верит ему, пусть с'едат в Обдорск.

Хэлико обещал работать хорошо и сдержал свое слово. Самый трудолюбивый и забойный из пастухов, он вскоре был выдвинут в бригадари.

— Оценный доктор, — сказал Хэлико, с уважением осматривая безопасную бритву, — чую ко мне выпить пойдем.

Ветеринар неторопливо пошел за бригадиром. В чуме Хэлико сидел пастух соседних стад. Изрезанными тычками пальцами они брали из котла дымящиеся куски мяса и продолжали начатый разговор. Хэлико вытаскил из лукошка стакан и налил чаю. Потом он сказал:

— Ты олений доктор, Леонид Петрович, а я пастух. У меня уже слабеют глаза и дрожат ноги. Скоро я, как старый ушкан, сложену гленубудь в кустах. Я только пастух, и мне жалко оленей.

Пастух половил оленя к бригадур. Они мыхали руками и волновались сильнее Хэлико, потому что им тоже было жалко оленей.

— Наши кулаки хитрые... Врут, однако! — Что они врут? — быстро спросил ветеринар, и рыжеватое лицо его выразило тревогу.

— В чумах, в туларах разговоры ходят, будто от белой волю, что оленям впускают в синю, они додумат, а если выманяют, то мясо их пить лет нельзя есть. Правда это?

— Неправда, — сказал ветеринар, — никогда советская власть не обманывала и не будет обманывать оленей.

— Так-так, — согласился Хэлико, — советская власть умная. Думаю, худые разговоры эти по ветру пускает Делюк Вань. Он своих оленек на болоте за камнем утопил и бедняком сделался...

...Длинные черные тынцы, шелкая, падали на рога животных. Олений прикуривали к колымкам, и Леонид Петрович вывозил шприн в синю животных.

¹ Тропа — шатерина.

² Тынцы — аркан для ловли оленей.

Граница и сердце

Я уезду. И тебе приснится
С высоты летящая звезда.
Сосны белорусские. Граница.
Быстрые, как время, поезда.

Ты просящийся, и ты скажешь: милый,
Ты вернешься, будешь прежним, да?...
Девушка, тебя зовут Людмила.
...Каждый день уходят поезда.

И приходит. Я приеду скоро.
Обязательно, подруга, жди...
Тучи надвигаются на город.
Пролетают светлые дожди.

Выпадают первые снежинки,
Замерзает шумная вода.
Ты сейчас прохлонишь по Дзержинке.
Грузовик увозит глыбы льда...

Мы стоим, завернутые в шубы.
Сосны на часах стоят в снегу.
Теплики, шапки, лесорубы.
Мы храним прикосновение туг.

И любимым пишем: сохраните
Сердце для того, кто был любим.
А за нас не беспокойтесь. Спите,
Сердце и границу сохраням!

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

Воспоминание

Дорога та никак неповторима.
Примерно суток около семи
Отца да я — мы ехали из Крама
С небритыми военными лобками...

В телушке с нами ехали матросы,
Растягивая песню на версту
Про девушку.
Про пельмение косы,
Про габель кофтера на посту.

На станциях мелочники гадали,
Во все вагоны бескивала жег,
Ругались, умоляющие глазами,
Но поезду был и так перегружен.

Но как-то раз, когда стояли снова,
При свете станционного огня,
С пудовыми запасами с'естного
Уселась тетка около меня.

Она коврыгу хлеба раскромсала,
Которой бы хватало и трюм,
Она жевала резаное сало
И никого не отговачала им.

А я ягдлел и потягивала,
Что тетка скажет мне: «Пожуйши — н'а!»
И продолжала действовать одна.

Тогда матрос шагнул к ее колдажке,
Рванул к себе и тут же развалял...
И все в телушке замерло... и даже
Ему никто ни слова не сказал.

И мне матрос вручил кусочек сала,
Коврыгу хлеба дал и пробаил:
«Держи, сынок, чтоб вонь не так кусалась.
И кабачком цыгарку погасишь...»

Не угаю,
Уже забыто много...
Иные дни... И я уже иной...
Но иногда проходит та дорога,
Как сляпанная песня предо мной.

И кажется, что вновь гремит колеса
И мчимся мы под венью непогод.
И в доброту
Товарища матроса
Я вижу девятьсот двадцатый год.

Осматривая разлегшие компной болезню
ноги, Хэлюк сказал ветеринару:
— В горы надо, оленьий доктор. Неладно
оленкам здесь. Беда, неладно.
— Нет лучших пастбищ, Хэлюк, — махнул
рукой ветеринар.
— Вот беда! Есть хорошая тропа, только не
наша, старая тропа — хороший мох, мягкая
трава.
— А далеко? — охнул Леонид Петрович.
— Совсем близко. За сошкой. Только не на
ша тропа.
— Не наша — так нельзя. — Ветеринар вспо-
минл предупреждение секретари окружкома.
— Тогда нельзя, — сказала с сожалением
и Хэлюк, — мох дуюе хороший. Беда, хороший
мох.

На следующий день Хэлюк встал раньше
обычного.

— Позови русскою, — сказал Хэлюк чумра-
ботнице, — сегодня будет много работы.
Пришел ветеринар. У него от бессонницы по-
зеленело лицо и покраснели глаза. Он снял
маленьку и сел на лукошко.

— Что случилось, Хэлюк?
— Оленьий доктор — умный человек.
— Ну и что же?
— Мой ум так ходит, что смерть оленкам
здесь. А там богатый мох. Кулаки долго еще
не погонят на те тропы.

— Нельзя.
— Олени ступили однажды. Кулаки тоже по
нашим тропам гоняют. Да и кто узнает?

Ветеринар был такого же мнения. Он с раз-
драженным восторгом о записке: «Категорически
напоминаю...»

— Хороший мох, — рассуждал Хэлюк и в
восторженности разводил руками, — только вот ку-
лаки да пшманы, все они хитры, как Делюк
Вань. Оленьки скоро бы поправились, оленьий
доктор.

Леонид Петрович посмотрел на бригадира.
Ему нравился Хэлюк своей любовью к оле-
ням и ненавистью к пшманам.
«Хороший бригадир», — подумал Леонид Пет-
рович.

— Знаешь, Хэлюк, ты прав. Олени только
что привата — им нужны хорошие пастбища.
Погоним! Согласен...

Ночью стада тихо перешли на соседние
пастбища. Олени ели сочный ягель и ложил-
ись отдыхать.

За ужином Хэлюк сказал пастухам:
— В стаде подежурия я. Завтра нам будет
много работы, сегодня можете связать сырку и
спать. Вы только это и можете.

Хэлюк, выйдя из чума, зашел к ветери-
нару. Тот весело ухватил чумоданы и успо-
воиваю злымъ голову с залубриными рогами —
изделил подарок Хэлюку.

Увидел бригадира, Леонид Петрович обнял
его, пожал холодную руку и предложил пани-
ресу.

— Уезжай, Хэлюк. Повесу твой подарок
в квартире и буду о тундре вспоминать. В Ле-
ониде придешь — в гости заходи.

— Хэлюк, я гость. Поди на меня там и не
помотришь?.. Вот сырой бы угостил-то хиро-
но.

Ветеринар открыл чумодан. На дне его ле-
жали две бутылки спирта. Одну он отдал па-
стуху.

— На. Выпейшь за мое здоровье после де-
журства.

Пастух мгновенно молчал от восторга, потом
запокал языком.

— Што ты, много вед! —

Хэлюк несколько раз покаял ветеринару руку,
сел на нарты и поехал к солке, к стаду.
Отказ от чумок, Хэлюк отнал немного
спирта и от всей души засмеялся. Он зашел
веселую песню, засвистал, голову его легко
кружила.

А когда солнце попоало по-над морем,
олени десятками с глухим хорканьем падали
на седой и мягкий ягель. Они корчилиась в
агонии, они ползли на колених по весенней
земле и замирали в холодных позах...

Пастбище было заражено сибирской язвой,
и олени, еще не окрепшие от маленькой дозы
бактерий сибирки, впушенных с вакциной, те-
перь погибали.

Хэлюк погнал упряжку на восток. С сошкой
он увидел бурные и белые холмики трупов.
Лицо его потеряло напряженное выражение
доброты и спокойствия. Оно было искажено
бешеной собачьей злобой.

А в это время ветеринар ехал к Нарьян-Мару.
Посматривая на чумоданы, он с удовольствием
думал о Ленинграде, о встречах с друзьями.
Двое суток пути пролетели для него незаметно.

На трети он уже входил в кабинет секре-
тара окружкома партии.

— Как дела? — холодно спросил его секре-
тарь.

— Да так, неплохо: Прививка проведена ус-
пешно, пастбище отличное... Я считаю, что бри-
гадира Хэлюк надо представить к преми-
рованию.

Секретарь окружкома встал.
— Мы премируем его, — сказал он, пристало-
но глядя на Леонида Петровича. — Очень хо-
рошо премируем... Зайди к следователю и об-
ясни, каким образом в совхозе на посту бри-
гадира оказался кулак Делюк Вань.

..Олени с глухим хорканьем падали на седой и мягкий ягель.

Сталинская молодежь всегда готова

Молодые советские люди в честь двадцатой годовщины Ленинско-Сталинского комсомола берут на себя обязательство быть передовиками любого дела, на которое нас поставил народ, наша партия, наше правительство — будь то работа в шахте, в колхозе, совхозе, на заводе, фабрике, в советском учреждении, в лаборатории, в научно-исследовательском институте.

В подарок родине мы берем на себя обязательство — и по-большевистски выполним это обязательство! — быть передовиками в учебе, в начальной, в средней, в высшей школе, в изучении всех наук, в изучении техники и искусства.

В подарок родине в связи с двадцатой годовщиной Ленинско-Сталинского комсомола мы обещаем товарищу Сталину подготовить десятки тысяч летчиков из среды нашей прекраснейшей молодежи...

... При первом вражеском выстреле мы просим советское правительство предоставить нам — молодежи — право прочувствовать, по-большевистски прочувствовать, зарвавшегося врага. (Аплодисменты.)

Из речи тов. А. КОСАРЕВА на физкультурном параде на Красной площади 24 июля 1938 года.

ВАКТА У ТЕЛЕСКОПА

В НОЯБРЕ 1933 года на заседании комитета наблюдателей при Московском отделении Всесоюзного астрономического общества с докладом «О систематических ошибках нанесения на карту галактики Венера» выступил московский астроном Виталий Бронштейн.

В своем большом и интересном докладе он установил, что фазы Венеры не совпадают с теми вычислениями, которые печатаются в астрономических ежегодниках. Ввиду ряда астрономических ошибок Виталий Бронштейн заметил и обосновал в отчете, весьма важное заключение: отклонение фаз планеты от данных теории происходит не случайно, а систематически, постепенно, в определенном, закономерном порядке.

Выводы Бронштейна, по единодушному утверждению астрономов, оказались беспорочными, но вокруг вопроса о причинах этого явления разгорелась бурная дебата.

Независимо до этого доклада другая работа Бронштейна — о метеохорах — заинтересовала и зарубежную прессу. В одном из номеров журнала британской астрономической ассоциации появилась ссылка на труд русского астронома Виталия Бронштейна... Впрочем, Виталий — это звучит слишком солидно. Когда мы впервые встретились с Бронштейном, на вопрос об имени он ответил смущенно: «Меня зовут Витя...» И, пожалуй, действительно это имя скорее подходило к исследованию подростку с длинными волосами и задорными взглядами живых, умных глаз.

Известный астроном оказался поэт-советским мальчиком, одним из сотен и тысяч удивительных, талантливых ребят, которые растут в нашей замечательной стране.

Дома считают, что Витя «сделался астрономом» с того дня, как прочел одну из книг Рубинкина по астрономии. Возможно, что молодой мальчик нашел эту книжку в старом отцовском столе, а может быть, ее принес кто-нибудь из товарищей.

Учителей, родителей, товарищей — всех осаждал Витя вопросами. Библиотечка в школе жаждала на то, что мальчик читает чересчур серьезные, совсем «взрослые» книги.

Много ценных книг по астрономии написано французскими учеными. Узнав об этом, Витя заявил родителям, что хочет изучать французский язык. К восьмому классу он уже свободно писал, читал и говорил по-французски.

В 12 лет он смастерил самодельную трубу. Объективами служили обыкновенные, очковые стекла, окуляр от микроскопа ему подарил физик, сама же труба была изготовлена из картона. Через некоторое время картонную трубу Виталий заменил жестяной. Трубу увеличивал в 20, потом в 40 и, наконец, в 80 раз.

Первое год-полтора мальчик работал один, а затем решил вступить в Астрономическо-геодезическое общество.

Профессор Воронцов-Вельямовин приветливо встретил маленького худенького мальчика. С ними начали работать. Прежде всего показали настоящий, 3-дюймовый телескоп. В первый вечер, проведенный в обсерватории, Витя почти не смотрел в телескоп. Не слухая слова с руководителя в взрослых наблюдателей, следил он за каждым их движением.

На следующий день он пришел один. Старик заявил сердито:

— Ключа не дам: не велено пускать. Еще слышали машину.

Но мальчик просил, умолял, и сторож сдался на уговоры.

До поздней ночи просидел Витя в обсерватории. Когда он спустился вниз, трамвай уже шел. Горы, белая дымка, белая дымка ушлим возвращался он домой и в такт шагам распевал под нос веселые марши и песни.

Дома его встретила бледная и испуганная мать. Витя улыбнулся и успокаивающе заговорил: — Не волнуйся, мама, в следующий раз я возьму тебя с собой, и ты все поймешь.

Через полгода в «Боллетене» Всесоюзного астрономического общества была опубликована печатная работа Виталия Бронштейна «Наблюдения метеоров в поле—сентябрь 1931 года». В следующих номерах «Боллетена» одна за другой появились новые статьи юного астронома.

Сперва наблюдатель учил Витю работать с телескопом, затем он сам стал учить дру-

зарную болельщицу — любимицу к звездам! — подтрунивая над ними товарищи.

Астрономическая работа занимала его. Но это увлечение не мешало академической учебе. Не забрасывали они и общественную работу. В конце учебного года отряд заявил в школу — в школу.

Летом 1936 года московское отделение Астрономическо-геодезического общества решило послать в экспедицию на Кавказ для исследования метеоритов в Сагарин, близ Ак-Булака, куда съезжались ученые-астрономы всего мира.

Узнав об экспедиции, Витя и два его друга Геннадий и Феликс — потеряли сон и аппетит.

После долгих разговоров в правлении общества их, наконец, решился включить в состав экспедиции младшими научными работниками.

Поездка в Сагарин, наблюдения затмения навсегда останутся незабываемыми днями в жизни Вити.

Во время самого затмения ему нужно было работать с камерой Пеплява — аппаратом для съемки короны — лучистого ореола, окружающего солнце. При этом нужно было установить механизм экспозиции нужно было установить закон падения ее яркости.

Работал четко, аккуратно. Планы своей работы экспедиция выполнила. Шестера не потеряла ни одной секунды из драгоценных 117, в течение которых продолжалось полное затмение.

Съемки короны удалась. Сейчас товарищи обрабатывают их, им приходится продвигать очень большую и кропотливую работу. Каждая фотография должна быть измерена на специальном микрофотометре Таруама. На каждой из пластинок находится 2 тысячные точки. При помощи специального аппарата измеряется яркость всех двух тысяч точек.

Точки с одинаковой яркостью будут сведены в одну линию (изофоты), расстояние между которыми покажет распределение яркости.

Окончив изучение снимков, юные астрономы напишут статью, которая будет в III том «Работ экспедиции по изучению солнечного затмения».

В прошлом году друзья ездили в Сименз, в обсерваторию. Центральный совет Осоавиахима и Астрономическое общество командировали их туда для фотографирования метеоров. Весь август прошел в интересной, увлекательной работе. Они запечатлели на пластинках 27 спящих звезд. Изучение фотографий дало возможность определить скорость движения метеоров, силу торможения и т. д. Зная яркость метеора, можно определить плотность атмосферы: это имеет прямое отношение к суперастероиду.

Комсомольско-астрономы гордятся тем, что их работа может послужить укреплению оборонной мощи нашей родины.

Виталий Бронштейн перешел на второй курс механико-математического факультета МГУ. Учас в прошлом году на первом курсе, он вместе со студентами четвертого курса слушал лекции по метеорологии астрономии, адд докторно-немецкой язык.

Он пришел в университет своею любовью к звездам и мечтает и сумеет зарать его своих товарищей. В организационный ин астрономический кружок вступило 15 человек.

Еще в 1936 году Виталий вместе с Геннадием начал изучение так называемых сербритских облаков.

Сербритские, или святишеские, облака находятся на высоте 82 километров. Изучая направление и скорость движения этих облаков, можно получить все данные о воздушных течениях высших слоев стратосферы, что имеет большое оборонное значение. К 20-й годовщине комсомола Виталий Бронштейн закончил научное исследование сербритских облаков. Он любит свою родину и науку. Его подарок к 20-летию будет плодом упорной и серьезной работы.

АНДРЕЙ МАЛЫШКО

КАВКАЗ

Звездам разгораться над кручей И сияют нам издалека. Мы поднялись, гордый и могучий, — За плечами крылья-облака.

Он поднялся, до неба высокий, С солнцем воздвигнувшийся навек. Звездяки ползут, шумят потоки, Разливаясь на десятки рек.

Он поднялся, высоко залетая В впадине орлином. Потому Хвостя горнякская яростая Вся страной доверена ему.

И в сердцах у нас кинит отава, С каждым разговор у нас хорони: Зарастув, друг мой, зарастув, Ты же мать качала комбейн «Амханго»!

Как твоя работа, как живешь?

Мы о нашей дружбе песни пели, Звонящая ролну саю.

Ты же мать качала комбейн У Днпра, в Тбилиси, на Дону.

Вместе пили мы живую воу, Нас одна тропа вперед вела. Зарастув, светлая страна свободой, Мир певца, героя и орла.

Прямо в звезды подымайся круче, Сербром свой издалека — Знаем: плечи у тебя могучи, За плечами крылья-облака.

Перевел с украинского
Ник. Ушаков

гик. Ему было 14 лет, когда его назначили заместителем заведующего 2-й обсерваторией. С каждым годом приобретал он новые знания, его любил и уважал астрономы в коллективе наблюдателей. Вскоре он стал заведующим 2-й обсерваторией.

Самое замечательное — то, что этот молодой талантливейший астроном остался живым и веселым советским школьником, отличником в учебе и хорошим товарищем.

В 35-й школе Краснопресненского района его туловище прознали «гражданином-астрономом», или, сокращенно, — «Астрономом».

Витя стал комсомольцем. Комитет комсомола поручил ему работу вожакого пионерского отряда восьмых классов.

Рейта астрономии нового вожакого радостно. «Астрономом» они знали давно. Он вел у них равные астрономический кружок.

— Теперь мы будем «астрономическим отрядом», — шутили ребята.

— Отряд восьмых классов страдает остро-

1 Амханго — по-грузински товарищ.

НАКАНУНЕ 20-летия ЛЕНИНСКО-СТАЛИНСКОГО КОМСОМОЛА

Комсомолец В. И. Тхоржевский еще недавно был рядовым пилотом. Готовя свой подарок матери-родине, он покачал образцы овладения военной техникой и добился чести стать командиром звена бомбардировщиков.

Одесские комсомольцы-связисты Бродский, Плевский, Клард, Черепович и Суница с увлечением занимаются стрелковым спортом. К славному 20-летию ленинско-сталинского комсомола они станут меткими стрелками.

Комсомолы шахты имени Серго Орджоникидзе (Макусуголь) Косенков, Кузнецов, Пофтин, Коба и Бряев еще в юные выносили головной план угольщика на своем участке. Хороший подарок стране!

МАТЕРИ-РОДИНЕ

З. ФЕДОРОВА,

депутат Верховного Совета РСФСР

«Хочется еще самоотверженнее работать, еще лучше учиться большевизму во славу родины... Хочется отметить 20-летний юбилей комсомола хорошими делами, хорошими подарками матери-родине» — с такими словами обратились молодые стахановцы и специалисты Московского автозавода имени Сталина ко всей советской молодежи накануне 20-летия Ленинско-Сталинского комсомола.

Мы, молодое поколение Советской страны, в неполадном долгу перед нашей родиной. Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда избавила нас от проклятого прошлого, мы не знаем и никогда не будем знать странного гнета и насилия капиталистического строя. Партия большевиков, руководимая гениями пролетарской революции Лениным и Сталиным, завоевала и построила на одной шестой части земного шара свободную, радостную жизнь. Нам, сынам и дочерям социалистического государства, обеспечено светлое настоящее и еще более яркое будущее. Наша судьба в наших руках, мы полные правные хозяева собственного счастья. За эту жизнь, за это счастье мы горячо благодарны нашу родину, нашу партию и советское правительство, нашего родного Сталина!

Слушая рассказы отцов и матерей о кошмарах прошлой жизни, о неверном беспринципном, насилии, угнетении, которым подвергались миллионы трудящихся бывшей царской Российской империи, мы учимся еще глубже и выше ценить те величайшие завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, которые записаны в золотой книге социализма — Сталинской Конституции.

Нашим отцам, матери, братья завоевали величайшие права на труд, на отдых, на бесплатное образование, право избирать и быть избранными в верховные органы власти. И мы, молодое люда страны социализма, получаем эти правами. За эти замечательные права мы горячо благодарны нашим отцам, матерям и братьям, нашу родину, нашу партию и правительство, нашего родного Сталина!

Каждый день, каждый час в светлых, просторных цехах заводов, в аудиториях и лабораториях институтов, на стадионах, спорплощадках, в парках культуры и отдыха мы чувствуем нежную материнскую заботу о себе нашей родины. Ее неустанное внимание ощу-

щает каждый гражданин Советской страны, ее горячее дыхание согрывает отважных исследователей Арктики, наполняет бодростью сердца мужественных летчиков, пересекавших необъятные просторы, вселяет богатырскую силу, крепит стальную волю к победе у героических партизанов и бойцов Красной Армии, выбравшихся вон с советской земли оккупированных японских захватчиков.

З. Федорова.

На Первой Сессии Верховного Совета РСФСР, в работах которой я принимала участие, приводились красноречивые цифры: за год до империалистической войны, в 1913 году, царское правительство, земства и городские самоуправления затрагали на народное просвещение всего лишь 182 миллиона рублей. На одного человека это составляет в среднем 1 рубль 36 копеек.

Мне невольно вспоминались рассказы старых

кадровых рабочих нашего автозавода о своем «образовании». Мастер цехового цеха Ф. С. Кузнецов с большим трудом окончил три класса начальной школы, «а от того, чтобы учиться дальше, и думать не смеял. П. Д. Герасимов до 12—13 лет учился в сельской церковной школе. «Учили нас... вспоминает он... «сдавали два» и господи, помню нас». Было большое желание учиться, но безработица не позволяла. С 16 лет вместе с братьем пошел к подрабочему на земельные работы.»

В нашей стране по инициативе товарища Сталина введено всеобщее обязательное бесплатное начальное обучение. На территории, которую теперь занимает Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, в дореволюционное время было всего 75 тысяч школ, в которых обучалось 5488 тысяч человек. Сейчас в РСФСР 109 тысяч начальных и средних школ, 19 миллионов советских ребят овладевают в этих школах основами наук. Сын Ф. С. Кузнецова перешел в 9-й класс, за отличную учебу его послали отдохнуть на Кавказ. У П. Д. Герасимова две дочери учатся на 3-м курсе техникума, третья окончила рабфак и поступила в институт. Все три учатся бесплатно и получают стипендию.

За годы первой и второй пятилеток советское правительство затратило на народное просвещение 49 миллиардов рублей. В 1938 году на народное просвещение только по РСФСР советское правительство выделило 8624 миллиона рублей.

Ежегодно на заводы, шахты, в колхозы, школы, лаборатории приходит десятки тысяч молодых специалистов—инженеров, агрономов, педагогов, научных работников. Все они воспитываются в стенах советских институтов, техникумов, университетов. 550 тысяч студентов обучается более чем в 700 высших учебных заведениях. 490 тысяч студентов обеспечены государственной стипендией. Размер этой стипендии превышает заработную плату многих рабочих капиталистических стран.

Те, кому повсчастливилось присутствовать 24 июля на Красной площади или 25 и 26 июля на стадионе «Динамо», восхищались и любовались красотой, молодостью, силой, ловкостью советских физкультурников. Одинадцать советских республик посланы в столицу страны—в Москву—своих сынов и дочерей—

СНАЙПЕРЫ

самых лучших, самых искусных гимнастов, пловцов, бегунов, волейболистов, стрелков... Эти юноши и девушки демонстрировали здоровье, красоту, силу молодого поколения страны социализма.

Партия и советское правительство создали все условия для того, чтобы наша молодежь росла сильной, крепкой, здоровой. Ведь до революции в России было всего 20 спортивных клубов. Эта цифра кажется спортивной ничтожкой в сравнении с подлинно массовым физкультурным движением в СССР: у нас 30 тысяч спортивных коллективов, кружков, команд и клубов, 650 больших и малых стадионов, около 7 тысяч человек спортивных площадок, свыше 350 водных вышек, 100 домов физической культуры...

За эти заботы, за эти величайшие блага мы горячо благодарим нашу дорогую родину, нашу партию и правительство нашего родного Сталина! Полные чувства благодарности матери-родине, мы хотим отплатить ей еще лучшей работой, стремимся всеми силами умножить богатства нашей страны, укрепить ее оборонную мощь. Вот что рождает мысль о подарках матери-родине, и вот почему так-solidно и дружно был поддержан начин и молодых автозаводов во всех уголках молодого Советского Союза.

Молодые советские патриоты начали борьбу за новые сталинские победы. На нашем заводе молодежная бригада Максимова из механикобразовочного цеха № 1, работавшая на сборке редуктора, взяла обязательство—сегодня непременно изготовит новую. Бригада Николая Комарова из цеха капитального ремонта вылезла на 15 дней раньше изготовит 19 электродов. Шаповалов-комсомолец Василий Тихонов из ИРМ должен сделать в день 550 кулачков валов. В подарок родине он дает ежедневно на 175 штук больше. Технологи и мастера готовят свои проекты к исполнению на станках, а инженеры организуют техническую учебу. Три молодых конструктора обещают подарить стране проект новой скоростной спортивной машины. Шеф Пружанец разрабатывает конструкцию нового блока цилиндра к новой автомашине. Инженер экспериментально-конструкторского отдела тов. Шейдерман предложил применить на машине «ЗИС-5» взеходные цепи...

Вместе с автозаводом мы взялись готовить подарки комсомольцам, молодежи всей страны. Молодежные бригады электрозаводного цеха московского завода «Динамо» имени Кирова обещали в течение июля подарить стране 2 электродов сверх плана. Обещание с честью выдержано: 30 июля были готовы промышленный электрод марки «ЭШТМ» и мощный магистральный электрод марки «ВЛ-138». Молодые слесари паровозного депо города Самаранда в неурочное время отремонтировали паровоз № 7152. Сейчас молодые железнодорожники ремонтируют в подарок родины уже второй паровоз и 2 вагона. Стахановец одесского завода имени К. Маркса, комсомолец Березной, работа на фрезерке конденсаторных гаек, дал 1500% нормы.

Молодые патриоты Советской страны беззаветно преданы своей социалистической родине, партии Ленина—Сталина, они готовы в любой момент встать на защиту священных советских рубежей, чтобы дать суровейший отпор всякому врагу, откуда бы он ни появился.

В числе многочисленных и самых разнообразных подарков, которые готовим мы к славному празднику, почетное место занимает подарок оборонного характера: десять тысяч юношей и девушек берются овладеть в совершенстве стрелковым делом, учатся водить машины, танки, готовятся стать летчиками, парашютистами, изучают пилажет, делают нормы на значок «ГВМ». Мы можем заверить товарища Сталина, главу советского правительства товарища Молотова и первого маршала Советского Союза и верного оборонного товарища Ворошилова: что по первому зову страны советская молодежь и ее авангард—Ленинско-Сталинский комсомол—дадут из своей среды столько подготовленных летчиков, артиллеристов, танкистов, пулеметчиков, стрелков, сколько потребуются, чтобы достойно защитить нашу любимую цветущую социалистическую родину-мать!

«РЕМОНТНЫЙ ВЗВОД»

Когда Николая Гоца, комсомольца, призвали в Красную Армию, он сразу решил, что обязательно станет снайпером. Через два месяца его действительно зачислили в отряд снайперов и он стал считать, что уже достиг вершин возможного совершенства.

Трудное искусство стрельбы давалось ему так легко и просто, что казалось, удача никогда его не покинет.

— Но выточка не пробит, если человек зазнался,—рассказывает Николай Гоев.—В 1933 году я впервые выступил на всеукраинских стрелковых соревнованиях. Был уверен в победе и прогноз самым пессимичным образом. Впрочем, для меня это поражение имело гораздо большее значение чем многие выигрыши, доставшиеся впоследствии за мою долю. Я понял, что недостаточно одного доброго желания и природных способностей: меткого глаза и твердой руки,—что нужно еще и работать над собой настойчиво и упорно.

Николай Гоев взялся за систематическую тренировку, составил расписание, график. Каждый день по два часа обязательно стрелял из мелкокалиберной и боевой винтовок. За год не пропустил ни одной тренировки и на следующих соревнованиях вылез на второе место.

В 1935 году он попал на всеукраинские стрелковые соревнования и занял там третье место по боевому стандарту—сто. В 1936 году занял обещанное четвертое место по всем видам боевой винтовки, а в стрельбе из мелкокалиберной винтовки повторил всеукраинский рекорд, вывел 397 очков из 400 возможных.

Сейчас Николай Гоев—старшина пограничной заставы. В частях Красной Армии, где он служил и эти годы, ему дали прозвище «Ремонтный взвод».

— Меня называют так потому, что я отремонтировал множество олодок стрелков—сметает Гоев.—Как у кого по стрельбе слабое, так ко мне шло: исправил!

Кроме этих сотренированных Николаем Гоевым обучил более ста отличных снайперов, несущих сейчас почетную службу на границах нашей великой родины.

Дале из них, Цешлев и Федоров, показали хорошие результаты на недавно проведенных в Москве соревнованиях пограничников и внутренних войск НКВД. Оба выступили за команду молодежи Украины. Федоров получил одно прино, Цешлев—два: за стрельбу из мелкокалиберной и из боевой винтовок.

В подарок матери-родине к двадцатилетнему Ленинско-Сталинскому комсомолу Николаем Гоев готовит рекорд на 50 метров из мелкокалиберной винтовки.

ПОХВАЛА МАРШАЛА

Человек спустился с пригорка и пополю, приблизив между кустами. Когда раздался звук выстрела, он прижался к земле...

Пуля пролегла короткую дугу и легла у самого его уха, срезав веточку ивы на болотной березе и улетела. Но точно же на смену ей пролетела вторая, чуть-чуть выше головы лежащего человека. Третья взвизгнула в левую четверть закружила вперед. Пришлось двигаться.

— Я понял, что это снайпер со мной играет,—показал на дороге зарушенный тропинку, задержавший Н.С. пограничной заставой.—Понял, что мне все равно от него не уйти, и сдаться...

Пограничник, задержавший своей меткой стрельбой диверсанта, был у чиновником одного из лучших украинских снайперов—комсомольца Степана Антипина.

На соревнованиях пограничных и внутренних войск НКВД Антипин занял общее третье место по боевому стандарту—с колеи, стоя и лежа—и первое место—по стрельбе лежа.

Один из самых трудных номеров этих соревнований—дугульную стрельбу—приехал судить маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный.

Команда мастеров Украины, в составе которой был Николай Гоев и Степан Антипин, очень волюновалась. Впервые стрелили перед таким строгим судьей, перед такими признанными знаками военного дела, как Буденный.

Все пятеро, седые в защитной обмундировании и замаскированные, залегли по сигналу в 325 метрах от мишени. Потом, по второму сигналу, вскочили и, зарывя винтовки на ходу, перебежали 25 метров, залегли снова и дали залп.

— Сильно я безжалостен,—рассказывает Степан Антипин,—и за себя волюновался и за всю команду. Но винтовка не обманула никого из нас. Попадание было отличное. Сам маршал пошел к команде и сказал:

— Прекрасно стреляете. Просто художественно.

По дугульной стрельбе команда украинских мастеров заняла первое место.

Соревнования закончены. Все его участники возвратились домой, в свои части. Степан Антипин взял на себя обязательство—создать на своей пограничной заставе образцовый отряд снайперов, которые при нужде могли бы так же метко стрелять по врагу, как сейчас умеют попадать в мишени.

Снайперы-отличники—комсомольцы В. Черномора (слева) и П. Дрожжин.

Ваятели

Их пятеро: мастер отбойного молотка Метрострой Степан Смильгин, саесарь Могея Савелий Коллин, токарь автогазда Александр Сергеев, мажоник Сергей Казанок и токарь заводу ЦИАМ Михаил Игитязов. Пятеро скульпторов востудии ВЦСПС.

Их жизнь ничем не отличается от жизни сотен тысяч юношей и девушек нашей страны. Все они работают на производстве, склоновости и аквус их развивались в кружках самодеятельности, а когда закончился этап молодости и они стали на пороге настоящего творчества, на помощь им пришли партийные и общественные организации. В востудии ВЦСПС они совершенствуются под руководством крупиных мастеров.

Эти художники не ждали счастливого случая, не искали мецената. Сама мать-родина пришла им на помощь, дала им возможность осуществить сокровенные юношеские мечты. Поэтому-то и творчество их совсем не похоже на творчество художников буржуазного общества — счастливицев, которым «счастье» досталось ценой бесконечных лишений и унижений; ни у кого из молодых скульпторов нет и следа замкнутости, отчужденности, стремления «уйти в себя», все они делится между собой планами, горячо спорят, коллективно обсуждают эскизы и зарисовки.

Уже давно среди этих пятерки шли разговоры о создании скульптурных украшений для одного из вновь возникших городов Советского Союза. Оставалось только выбрать город. Как-то, приехав в мастерскую после просмотра кинофильма «Комсомольск», Савелий Коллин объявил своим товарищам, что город найден. Для города юности, построенного комсомольцами в тайге, на берегу Амура, предначинания свои работы молодые художники. Этим подарком матери-родине встречают они 20-ю годовщину Лениско-Сталинского комсомола.

Творчество каждого из пяти молодых скульпторов различно, как различны их темпераменты, склонности и увлечения.

Бурный темперамент и горячая фантазия Коллина сказываются в большой композиции «Оборона и труд». Коллин хочет установить ее в том месте, где отдыхают жители Комсомольска. Учительная гористую природу города, Коллин предполагает, сделать выемку у подошвы горы, воздвигнуть здесь массивную гранитную стелу. Последнее стелы — мраморная доска с выдержками из Сталинской Конституции, на карнизе — легкими золотыми буква-

ми слова лозунга. На фоне гранитной стелы располагаются дестя скульптур, по пять с каждой стороны доски. Пять фигур символизируют оборону, пять — труд. В группу «Оборона» входят фигуры танкиста, летчика, зенитчика, пехотинца и моряка. Труд представляють фигуры колхозниц со снопом, ткачихи с куском ткани, женщиной-мастера с дельными машиной в руках шахтера с отбойным молотком и металлурга с ковном. Все эти образы представляемы в действии: танкист сигнализирует флажками, летчик натягивает перчатки, готовится влезть в кабину, у зенитчика в руках снаряд, который он посылает в ствол орудия, отбойный молоток в руках шахтера как бы сверлет породу, металлург разламывает чугуи и т. п. Вокруг этой композиции, по мысли автора, должен быть разбит большой цветник.

Желание отразить мощь нашей родины, ее радостный и плодотворный труд, который будет защищать весь советский народ, от пионера до глубокого старика, — вот что характерно для творческих замыслов Савелия Коллина.

У Казакова родственная тема. В его набросках и эскизах уже вырисовывается постепенно будущий барельеф с легкой колоннадой по бокам. Между колоннами — фигуры, олицетворяющие свободное искусство и свободный человеческий дух. На барельефе — на фоне кирпичных стен товарищи Сталина. Молодежь преподносит цветы своему отцу и учителю. Свою работу Казаков назвал «Вдохновляете побед». Он предполагает установить ее у входа в Комсомольске так, чтобы это выглядело как герб города, построенного молодежью, вдохновленной великим Сталиным.

Героика советских детей — лейтмотив почти всех работ Степана Смильгина. Он очень внимательно изучил помолы и интересы советских ребят. Ребенок-спасатель, ребенок-помощник пограничника — вот темы его работ. Для города юности Смильгин готовит скульптуру «Юный осведомлен». Вторая его работа, предназначенная для Комсомольска — «Физкультурная сюита», — три обаянные фигуры, олицетворяющие молодость, красоту и силу.

Увас у великих мастеров прошлого, Смильгин неустанно работает над культурой форм обаянного тела. Он очень много тренирует в этом направлении; его работы целомудрено строги и правдивы.

Для творчества Михаила Игитязова характерна склонность к монументализму. В под-

Степан Смильгин у своей скульптуры «Юный осведомлен».

рок Комсомольску он готовит мраморный бюст Ленина и фигуру Чапаева на гранитном постаменте.

Сергеев — наиболее сдержанный из всех молодой пятерки. Физкультурник, он и в своих вещах увлекается спортивными темами. Сейчас он уехал в отпуск и там работает над эскизами для Комсомольска. Товарищи не сомневаются, что это будет скульптура на излюбленную Сергеевым тему, и с нетерпением ждут его возвращения, чтобы вместе осудить свои работы.

После того как эскизы будут утверждены, молодые скульпторы поедут в Комсомольск, чтобы выбрать места для установки своих работ.

Бодрыстю, силой молодости, свежестю проникнуто творчество этой пятерки. Радостно и уверенно работают они над своими скульптурами. Сегодня они отдають родные, ее дальневосточным рубежам, свой творческий пыл, свое искусство. Но если завтра понадобятся защищать эти дальневосточные рубежи, каждый из них сменит резец скульптора на винтовку.

А. СИТКОВСКИЙ

ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК

Вне грома
Особых событий
Со старта
 вперед, за черту,
Стремглав побежал истребитель,
Взлетел — и пошел в высоту.
На советь сработанный намы,
Из наших частей самолет,
Сужая круги за кругами,
Все выше и выше берет.
Тогда
На крыло самолета,
Сгибаясь, идет человек.

Бьет ветер, и кажется:
кто-то
Толкает на край. Из-под век
Вглянуть бы и навек запомнить,
Но некогда: машет пилот.
Как дель на воздух из комнат,
Он ринулся сразу в пролет.
Секунды
Балстающей спидей
Мелькают и колют лицо...
О, только б не слатъ,
Не забьтись,

Не дернуть безвольню кольцо.
Успех над рукой —
На затворе:
Не бойсь... не бойсь...
 Прыжок!
Как будто схватили за ворот,
Трихнули и кинули вбок.
И медленю,
Слева направо
И снова налево несет
Под шоловым куполом славы
Товарищ звездных высот.

СВОЮ ПРОФЕССИЮ НАДО ЛЮБИТЬ

Отклики на письмо тов. Чурикова «Стыдно ли быть портным?» («Смена» № 7)

НАШ СОВЕТ тов. Р.

Мы прочитали в «Смене» № 7 письмо тов. Чурикова, озаглавленное «Стыдно ли быть портным?». Тов. Чуриков рассказывает о безобразной работе иркутской профтехшколы швейного производства, о том, что ученики стыдятся профессии швейника, отнимают от занятий и т. д.

Работает ли на фабрике «Мосбель» не очень давно. Уходить с производства не собираюсь, я, наоборот, стараюсь повысить свою квалификацию. Многие из наших девушек занимаются в учебном комбинате. У нас отведены специальные часы для занятий по повышению технической грамоты. Изучая чертежи выкройки и шьем пробные вещи. При желании и упорной работе можно получить квалификацию закройщика, стать мастером.

Читая письмо тов. Чурикова, мы вспоминали, как наша фабрика ходит на демонстрации. Нам много, молодежи всегда интересен. Мы с гордостью несем изделия нашей фабрики и ищут коллегам в выпускаемой продукции. Мы радуемся успехам нашего предприятия.

Поступок Д., которая не захотела идти в одной колонне со швейниками, нам просто неясен. Как можно стыдиться своего труда, который стал у нас делом чести, славы, доблести и героизма, труда, который так нужен нашей социалистической родине?

Поступки товарищей С., К. и других, уходящих из профтехшколы, показывают несознательность этих людей. Плохую работу педагогов, не сумевших интересно поставить учебу. Больше всего нас возмущало поведение знакомого девушки Р., который порвал с ней знакомство, узнав, что она избрала специальность швейника. Мы советуем Р. покрепче взяться за учебу и работу, чтобы стать лучшей стажеркой нашего производства, и доказать своему бывшему другу, что в нашем деле, как и в любом другом, можно завоевать почет и уважение.

Работницы фабрики «Мосбель» № 6
РЫБАЛКО и ИВАНОВА

У НАС НЕТ ПЛОХИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В одном из последних номеров вашего журнала я прочтала заметку читателя «Смена» тов. Чурикова «Стыдно ли быть портным?»

Эта заметка очень меня заинтересовала, и я желала высказать редакции свой взгляд на этот вопрос. В этом году я окончила 7 классов средней школы. И когда передо мной встал вопрос об избрании специальности, я чувствовала, что с радостью, не задумываясь, испробовала бы себе любую предложенную мне специальность. У нас нет плохих специальностей!

Нет, не стыдно и не может быть стыдно портному, который трудится на благо родины, который предан до конца партии Ленина — Сталина. И только тому человеку может не нравиться его специальность, который не считает труд «делом чести, делом доблести и героизма». Комсомол должен воспитывать у нашей молодежи социалистическое отношение к труду.

Вот мои взгляды на этот вопрос.

ЖЕНА ОКУНЕВА

Город Рыльский, Курской области.

ЛОЖНЫЙ СТЫД

(Письмо педагога)

Совершенно согласен с редакцией, что тов. Чуриков затронул весьма важную тему.

Мне тридцать девять лет. По профессии я педагог. Прежде чем ответить на поставленный вопрос, мне хочется кратко рассказать, как я стал педагогом.

Мой отец — рабочий, мать — крестьянка. Ясно, что до революции мне мечтало о профессии, выбрать профессию было невозможно. Однако, когда в 1909 году я окончил сельскую школу в мой сверстник, сын старшего учителя, что осенью поедет в город учиться на преподавателя, я подумал, что тоже хотел бы стать учителем. Эту мысль я глубоко затаял. В ту же самую осень, когда мой бывший соученик уехал в город, отец определил меня на очно-зачетный завод крестьян и мездриг сечины.

Так получила я профессию овчинника.

Зимой в 1915 году умер отец (мать умерла еще раньше). Я остался в семье старшим. Всех нас было четверо. Младшему — 7 лет. Моего заработка — рублей 8—10 в месяц — не хватало. Пришлось сменить профессию. Я поступил на хлопчатобумажную фабрику, в прядильную. Стал осваивать новое дело: начал со ствольщика, затем стал присучальником, затем — третьим помощником прядильщика, был, как тогда говорили, третьим мальчиком на миль-машине. К 1917 году и получил 18 рублей. Хотя я был несовершеннолетним, но работа приходилась по 9 с половиной часов.

Осенью 1918 года я вместе с другими ребятами фабрики пошел в Красную Армию. Пробыл в рядах РККА до 1923 года. Здесь встретил в комсомол, затем в партию и стал приобретать профессию коммандира. Но в связи с осложнением после комманды был отпущен в долгосрочный отпуск.

Приехал на родную фабрику, подключаюсь и решил осуществлять свою заветную мечту —

стать педагогом. Теперь это стало возможным: мне помогла партия и советская власть.

Уже в зрелом возрасте в сиконии рубака и пиджаку, получив, таким образом, образование, по счету четвертую профессию.

Таков путь многих тысяч людей моего возраста. Могли ли мы в юности выбрать профессию, думать над выбором? Нет. Стывали ли и стыдился ли я, и был бы овчинником? Нет, не стыдился и не стыжусь. И если партия, если родина потребуют от меня в интересах дела вновь стать овчинником, я стану им.

Почему же некоторые молодые люди стыдятся своей профессии?

Мне кажется, что эти люди не прониклись в достаточной мере чувством долга, чувством советского патриотизма и любви к своей матери-родине, которая дает им все возможности выбрать любую профессию. Немало виноваты в этом и комсомольская организация профтехшколы и мичуринский горком ВЛКСМ.

Нужно сказать, что процесс комплектования этой профтехшколы, повидимому, проходил неправильно. Видно, здесь господствовала так называемая теория самозащиты и стихийности: принимай, кто придет. Это нужно изменить. Нужно принимать тех молодых людей, которые действительно стремятся стать квалифицированными мастерами советского швейного производства, стажерами и патриотами своего дела. Разве не стоит перед советскими швейниками почетная задача — добиться, чтобы советская одежда была красивее всех, прочнее всех, выдерживала все ослеза на свете?

Расширить эту важнейшую задачу могут в должной мере только кадры квалифицированных швейников, если они будут вкладывать в это дело всей своей сил, всю свою энергию и любовь.

Ф. И. КОНДРАТЬЕВ

Город Горький.

ПРАВ тов. ЧУРИКОВ

Факты, приведенные в письме тов. Чурикова, говорят о том, что наша молодежь еще не достаточно сознательна и серьезно в выборе профессии. Увидевшись, о которых рассказывает тов. Чуриков, совершенно забыли, что в нашей стране ценят хороших специалистов всех профессий, что у нас не надо гнаться за громким званием, а нужно стремиться быть замечательным знатоком своего дела. Прав тов. Чуриков, говоря, что «свою профессию надо любить». У нас в каждом деле можно стать замечательным работником. Яркими примерами должны быть для нас тт. Сметанин, Виноградова и другие молодые люди, любящие свое дело.

Совсем непростижizable такие мысли у передовиков, у комсомольцев... Вот тов. Р. боится, что из-за своей профессии не выйдет жених. Это совсем другая мысль недалекой мешанки! Стыдно, тов. Р., поддаваться подобным мыслям! Что же касается Б., то его поступок — прямое дезертирство, подрывающее трудовую дисциплину, и осуждается учащихся. Легкость, с которой он меняет учебные заведения, должна заставить похрустеть комсомольские организации этих школ за то, что они не принимают должных мер к перевоспитанию молодежи.

Письмо тов. Чурикова — очень своевременное, нужное письмо, заставляющее задуматься все комсомольские организации, мобилизирующее их на повышение политико-воспитательной работы.

Надо помнить, товарищи, что мы, комсомольцы, несем на себе ответственность перед партией за выращивание кадров и что нашей стране нужны хорошие мастера своего дела, любящие свою профессию.

И. ЩЕРБАКОВА

Воронеж.

О СЛАВЕ

(Письмо комсомольского работника)

Очень хорошо сделала «Смена», развернувшись на своих страницах обсуждением интереснейшего вопроса — о почетности любой профессии. В сущности, это вопрос о славе.

Славой в нашем понимании это слово неразрывно связано с конкретными делами во имя родины, с выполнением заданной партии и правительства на любом участке, по любой специальности.

Стаханов, Папанян, Громов, Чалов, героилетчики, стахановцы при выполнении ответственных заданий промышленности никогда не думали о личной славе. Они, подлинно сыны народа, честно выполняя свой гражданский долг, всеми мыслями, всем сердцем были связаны с народом и совершали свои героические дела во имя и во славу своей родины. Они не гнались за славой — их прославил народ.

Но, к сожалению, среди некоторой части нашей молодежи встречаются иногда товарищи, для которых личная слава выше интересов народа, которые пренебрегают своей профессией, не совершенствуются в ней. Их мысли направлены к снижению славы и известности. Мне, комсомольскому работнику, случалось встречаться с такими людьми.

В Нолском районе, Кировской области, живет комсомолец Т. Он инспектор народнохозяйственного учета, секретарь комсомольской организации. Казалось бы, молодому и перспективному человеку есть где приложить свои силы, проявить свои способности.

Но Т. недоволен своей «судьбой». Он жалуется, что в деревне не может стать известным, популярным человеком.

«Я не знаю, что делать», — пишет он, — вот сейчас живу в деревне и занимаюсь тем, что проверяю готовность к севу в колхозе».

По существу, он выполняет большую, государственной важности работу. Ему нужно приложить все силы, все способности, чтобы образцово оставить дело на порученном ему участке. Но Т. не может смириться с тем, что он рядовой работник, что он неопубликован в газете.

«Я хочу стать путешественником или писателем. Или же мне зайти за колхоз? Но я еще молодой в колхозе руководить!».

Тщеславие не дает ему покоя. Даже рения остаться в колхозе, он не может представить себя рядовым работником. Нет, он должен обязательно руководить! Человек он малограмотный, но возманив себя «большим человеком», заявляет, что кунится не в силах.

Я беседовал с молодым колхозником из Орловской области тов. В. Он, как и первый, стремится к одной цели — снизить славу.

В. самовольно оставил работу в колхозе и решил стать известным писателем, хотя для этого у него нет никаких предпосылок. Он еще молод, ему нужно много и упорно учиться, чего он не делает и не хочет делать. Его не смущает то обстоятельство, что он оставил работу в колхозе в самое горячее время, что его работа там была бы гораздо полезнее чем бездельные шатания по Москве.

Он не представляет себе, насколько это уважение и почет он может завоевать в результате повседневной, честной работы на своем участке, в своем колхозе.

Нужно любить и уважать свою профессию, идентифицироваться и совершенствоваться в ней, всемерно повышать производительность труда на любом участке, а ценителем этой работы будет народ.

Лучшим доказательством тому служат с таким успехом проведенные выборы в Верховный Совет СССР и Верховные Советы союзных и автономных советских республик.

Честным трудом завоевав себе почет и уважение, вчера еще малоизвестные люди стали популярными. Лучших стахановцев, ударников, ученых, колхозников народ, дочитав список доверием, послал депутатами в верховные органы власти.

Г. КОПЫЛЕВ

Москва

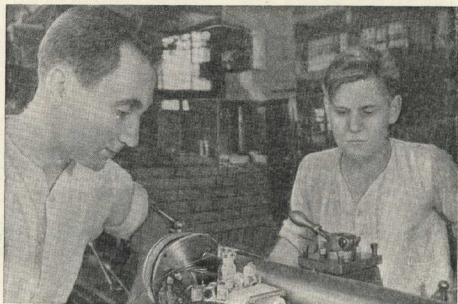
Накануне 20-летия Ленинско-Сталинского комсомола

Это комсомольцы экипажа танка И-ской части Киевского особого военного округа. Командир тов. Загубиско и гваристы гг. Васильев и Денисюк облизались встретить 20-летие ВЛКСМ отличными показателями по всем видам боевой и политической подготовки.

В подарок матери-родине на 10 дней раньше срока выполнили месячный план комсомольцы-десеры вагоностроительного цеха Куйбышевского вагоностроительного завода — стахановцы Аверьянов, Шадров, Зайвагин, мастер группы Горбушин.

Молодой инженер Центрального научно-исследовательского института машиностроения И. Штейнберг готовит подарок родине. Штейнбергу исследует возникновение вибрации при обработке деталей на токарных станках, чтобы разработать метод, устраняющий вибрацию.

На вулкане Авача

О ГРОМНОЙ дугой тянутся вдоль восточного побережья Камчатки высокие снежные конусы сопки-вулканов. Их подножия поросли березником и кедровником, вершины покрыты тысячелетними шапками льда.

Большинство вулканов мертво. Но есть другие, более молодые, бесконечные сопки. Над их вершинами круглый год высятся дымки, на горных площадках жлокуют геайзеры, а из трещин сочатся кипяточные, мутные от серы ручьи.

Население Камчатки привыкло к своим бесконечным соседям. Тысячи рыбаков, лесорубов, охотников, сложив из камней вязы, летачат на горных клочках и грядках, строятся складчинами из туфа дома, хозяйки чистят пещарью посуду. В 46 километрах от Озерского рыбного комбината жители небольшого поселка круглый год пользуются даровым книпником.

Бесплодная Авача — один из самых чистых вулканов Камчатки. Прекрасный, белый конус ее возвышается всего в 30 километрах от Петропавловска, а великий погем' на вулкан стал почти иррадиацией для физикультуры камчатской столицы.

Летом 1937 года этого отрока вместе с фоторепродцентом Дебазовым в группой альпинистов альпинство участвовала в походе на Авачу.

Все нашу группу инструктор физикультуры Сергаичев — бывший ростовский бегун, легкоатлет, жилецкий, обладавший все вулканы в окрестностях гораций.

Вслед за конусом сменился через каждые полчаса, двое альпинистов несли конуки — большие мешки из собачьих шкур, в которых предстояло прожить холодную, горную ночь.

Километров 15 ми шла тропка сквозь густые заросли жаконки и ольшаника. По обеим сторонам высилась толстые стволы шеломайника, увеличенные огромными резными листьями. Белые зювтия смельдерского корня — стелющиеся с хорошей стрелочкой — вращались на пещеходов сверкающие пригоршни серы.

Зачеявали на маленькой площадке, усыяной черными вулканическими камнями. Ночью, как всегда в горах, было тихо и холодно. Далеко внизу, отгороженное от лагеря лесами, мерцало море. В теионте над нами белели глетчеры: они тянулись вверх, точно пустыни, очень широкие дороги.

— В 4 часа утра мы уже шли по сухой реке. Все вокруг было мертво. Под ногами хрустел темный, вулканический песок.

На всем протяжении сухой реки мы ни разу не встретили ни растений, ни насекомых, ни птиц, только один рыжий кулик, покочая концами крыльев, пылся над нами.

Впереди нас, поперечному замачивая в далекий, высился снежный конус Авачи. Вскоре мы вступили на глетчер. Снег был моладый, сильно разрыхленный потоками солнцем. Стояло постанать ступню под острым углом, как альпинист с'езжал вниз вместе с грудой ледяной скользкой крупы.

Воздух стал реже и значительно холоднее. Все чаще в чаще приходилось делать привалы. Несколько человек пожелало на сонливости — верный признак горной болезни.

Шлак и песок исчезли, из-под снега торчали только большие глыбы камней. Грудой нителю недалеко темна расклеванная лава. Но еще до под'ема на вулкан мы слышали много рассказов окрестных рыбаков и снотиков о знаменитом извержении 1926 года.

Это был один из самых бурных взрывовов жизни старого вулкана. В 2 часа дня 28 марта заснувшая было Авача внезапно вырвалась столб черного дыма. Поднявшись на огромную высоту, он принял форму густой пинны. В 8 часов вечера раздался сильный взрыв, за-

ставивший многих жителей Петропавловска выбежать на улицы. Из кратера Авачи вырвался широкий столб пламени. Огненными бризгами летели раскаленные вулканические бомбы. Поднялся сильный гуд, похожий на раскаты грома, крайне редкого на Камчатке, а в домах посыпались штукатурка. Сильной столб быстро раста, через несколько минут на город стали падать пепел и песок.

Когда рассвело, жители Петропавловска увидели преобразивший взрывом вулкан. Из белого за одну ночь он стал серовато-черным. Снег, скопившийся за 17 лет сна вулкана, исчезли из-под гравийной воды, унеса песок, шлак, вулканические бомбы.

Через 2 дня извержение повторилось. Лава поднялась и образовала в жерле вулкана озеро диаметром до 150 метров, багровый отсвет которого был виден за десятки километров. Затем над вершиной Авачи взметнулось высокое пламя. Поток лавы хлынул по склонам горы. От крошея потока стравлилась большая глыба и, разбрасывая искры, катилась под гору. Весь конус Авачи казался расклеванным.

На 4-ю ночь пламя над конусом вулкана появилось на высоте 5 километров. В Петропавловске заколебалась почва, и густые газы закружили Авачу черной ширью.

Несколько дней падал красноватый вулканический пепел, на десятки километров от вулкана возухи был насыщен парами лавы и серы. Все было тухлым, сумеречным. В реке Авача брошиками вверх пыла отгороженная кета и горбуша...

— Теперь Авача снова была тиха, чиста и строга. Глядя на высокий ровный конус, не верилось, что 11 лет назад здесь текли потоки лавы. В зарослях ольшаника вулкан выглядел величаво-спокойным старцем. Бойко, свежее облачко клубилось на вершине горы. Сергаичев пометрел на него в бинокль и неожиданно спросил:

— Рукавицы не растеряли?
— А что? И так жарко.

— Ну, скоро увидиме...

Мы шапками быстрее по черному руслу сухой реки. Впереди ждало нас облако — свежест, влажная тень.

* * *

Облако само движется нам навстречу, вытравливаясь вдоль глетчера, обволакивает камни.

И вдруг ветер с силой обрушивает на нас ледяные калды. Не видно ни вершины Авачи ни моря, ни глетчера. Параллельно склону со свистом летит метель дождя, нето град. Люди надевают рукавицы, опускают наушники. В несколько секунд куртки, шапки, козырьки

фуражек, бумажные шапки покрываются блестящей ледяной коркой.

Люди движутся пенью, согнувшись, стараясь ступать по следам идущих впереди.

По каким-то невольным признакам наш взвод определил приближение кратера:
— Еще 500 метров... еще 400... 200.

В двух шагах не видно соседа. Ветер ауштит, опрокидывая назад. Мы снова ползем по каменной осыпи. Странная зювля. Снег тает на красноватой поверхности. Через каждые 100 метров мы погружаемся пальцы в горячую, рыхлую почву. Едко лязнет серой. Мы начинаем различать струйки пара, рушатся из трещины. Поднимаются глыбы, повисают зелено-молочным пахучим налетом. Чем ближе к кухне вулкана, тем чаще, чередуясь со свежими полями, попадаются участки горящей земли.

— Еще 100... еще 60...

Но Сергаичев об'ехал. Ни шага дальше. Мы на снежном гребне, окружающем кратер вулкана. Лежим рядом, забыв о пугре, о мокрой шапке, о колючих пальцах, и молча смотрим вниз, в глубокое жерло.

Да, из-за этого стоило лечь на четвереньках в пугру хотя 3 суток! Перед нами круглая каменная чаша диаметром в метр 200, с загнутыми внутрь краями. Далеко над ней тянутся густыми белыми клубами. Когда ветер врывается в жерло и отгоняет газы, мы видим зеленоватые глыбы и большую пыльную осин. Из тысячи трещин ползут серые нистые газы. Слышен тихий свист, шипение. Но трудно установить, кто свистит: жара, рушащаяся из земли, или просто ветер? Зато теперь понятно, почему вулкан никогда не растает с белым облаком: оно рождается здесь из горячих паров, сразу сгущающихся в морозном, горном воздухе.

Люди молча лежат в снегу, заглядывая в дымящийся кратер. Леденют ноги, но никому не хочется встать, заговорить перому, растаять с прекрасным ошущением свободы, радости, сил.

Только Дебазову не снится на месте. В просяках кадра он успел дважды обойти кратер и сменить десяток касет. Он недоверливо вулкаником: пугра, серчатая, астылая авача, да к тому же сера прожгла шпорку лучшего аппарата.

— Нет, без солнца я не уйду...—говорит он, дуч в багровые кулаки, — консервы есть, беру салта в кукуле.

Его поддерживают трое энтузиастов.

— Без солнца не уйдем! — подддерживают они.

— Огромными прыжками, преследуемые пугрой и камнями, мы мчимся по глетчеру. Мирное садятся на пальцы и катятся вниз со скоростью свежих лавин. Через час, испарившие, истощенные, мы астремляемся а русле сухой реки. Потери невелики: 6 каблучков, ремеш, 2 фуражки, бинокль.

* * *

...На третьи сутки вернулся простуженный, но довольный Дебазов. Он передал пугру дождливое солнце и распрострлял все касеты.

Фото Д. Дебазова.

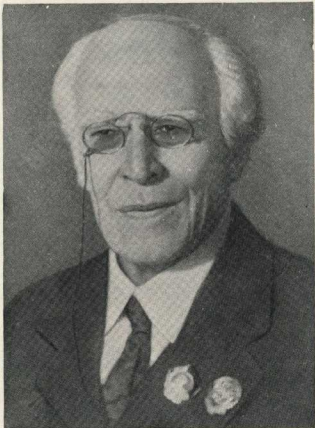

Подем на Авачу.

* Пинья — южная сосна.

Вдохновенный мастер

(К. С. Станиславский. 1863—1938)

В июле 1897 года в одном из кабинетов московского ресторана «Станиславский базар» состоялось знаменательная встреча двух людей, наконец-то нашедших друг друга. Беседа, чрезвычайно важная для обоих, несколько затянулась. Она длилась день, вечер, всю ночь... Только в 8 утра, после восемнадцатичасового разговора, растаял писатель, драматург, руководитель Московского филармонического общества Владимир Иванович Немирович-Данченко с актером, режиссером, руководителем популярного в Москве любительского кружка Константином Сергеевичем Алексеевым, по сцене Станиславским.

В этой восемнадцатичасовой беседе зародился Московский Художественный театр.

Первые годы существования Художественного театра для Станиславского были годами артистической юности. Это значит, что уже за плечами осталось бесцельное театральное искусство с покорным подчинением великим образам, копированием знаменитостей, уклонением от серьезных красотовавших. Это были годы первых преодолений, трудные, упрямые шаги по пути к мастерству.

В книге «Искусство актера», посвященной огромной творческой опыту, Станиславский говорит о «сверхзадаче» — основной идее, едином волеии устремлении, пронизывающем пьесу; от глубины и верности понимания «сверхзадачи» зависит глубина и значимость спектакля. Возможно, что жизнь каждого большого человека подчинена своей «сверхзадаче», и образом такой удивительной жизни, при всем многообразии и богатстве своем направленной к единой цели, служит жизнь самого Константина Сергеевича Станиславского.

«Сверхзадачу» его жизни можно сформулировать так: «Хочу познать и овладеть тайнами театрального искусства и передать это знание другим».

Успехи напряженной работа и непрерывный контроль над собой. Начало актерского пути, «любительство» — для Станиславского время поисков, сосредоточенных в одиночку. Помощи здесь было несудно. О том, как обучали в театральных школах того времени, рассказывает сам Станиславский: «Ученье профессора набивало ученикам головы всякими сведениями о пьесе, которую репетировали. Все это возбуждало мышление, но чувство оставалось спящим. Нам говорили оное образно и талантливо, какой должна быть роль и пьеса, т. е. о конечных результатах творчества, но как сделать, чтобы этого добиться, каким творческим путем и методом подходить к этому железному результату — об этом умалчивали. Нам учили играть вообще или в частности данную роль, но нас не учили самому искусству».

Станиславский решил постичь природу своего искусства. Темперamentный, уязвимый, горячий человек постепенно воспитывал в себе чувство самонадеянности. Анализируя свои неудачи и восхищаясь удачей Станиславский пытался приручить «дикую птицу» вдохнове-

ния — этого состояния поэта, уверенности в себе, совершенства исполнения.

Вдохновение искусственно создать нельзя, как нельзя искусственно сделать талант. Но можно создать творческое самочувствие, условия, способствующие созданию такого состояния. Сюда было направлено внимание Станиславского. Речь шла о том, чтобы превратить актера из дилетанта в мастера, создать основы техники, помогающие таланту, но отнюдь не замещающие, не претендующие заменить талант. Здесь корни системы Станиславского».

В русских театрах конца XIX столетия блестящая некогда актерская традиция выродилась, за ней остались исключком, в ловкие чисто технические приемы игры. Театр находился в руках людей равнодушных, невежественных и корыстолюбивых. Открытие Художественного театра, появление содружества талантливых, идеальных, культурных актеров было чудесным событием. Художественный стал исполнением лучшей части русской интеллигенции.

Этот театр был новым, удивительным явлением даже по внешнему своему облику. Скромный, без лишнего позолоты, но зато с прекрасно оборудованной сценой и актерским умственным, он бросал вызов пропыленным, раззолоченным старым театрам, где актер не имел возможности культурно и серьезно работать. О характере театра говорили темные, которые были выработаны во время знаменитой беседы Станиславского и Данченко. Вот некоторые из них:

«Нет маленьких ролей, есть маленькие артисты».

«Сегодня — Гамлет, завтра — статист, но и в качестве статиста он должен быть артистом.»

«Поэт, артист, художник, портной, рабочий

служат одной цели, поставленной поэтом в основу пьесы».

Этот театр, ненавидящий рутину и штампы, привлекал к себе лучшее, что было в то время в литературе. Два имени неразрывно связаны с нашим представлением об Художественном (одно из них вошло в название театра): это светлые имена Алексея Максимовича Горького и Антона Павловича Чехова.

Теперь, после открытия театра, поиски Станиславского стали менее одиночными. Вокруг него сгруппировались друзья, единомышленники, люди, иногда не соглашавшиеся с ним, но так же, как и он, горячо любившие искусство. Они, Станиславский и коллектив театра, дополнили друг друга, вдохновляли друг друга, и дело Станиславского, жизнь Станиславского, биография актера и режиссера Константина Сергеевича Станиславского стала судьбой и биографией Художественного театра. Они вместе прошли сквозь десятки изменений и исканий, через истерики и инсульты, через бытовизм и увлечение условными постановками в сухих... Здесь было много ошибок, но все это совершалось искренно и горячо, не в поисках шекспировских нервов, не в поисках шекспировских нервов, не в поисках впечатлений, но в попытке театральной, художественной и жизненной правды.

Во всех своих исканиях Художественный театр был и остался театром реалистичным, театром, где в центре внимания — человек с его мыслями и переживаниями.

Первоисточником для творчества актера Художественного неизменно служила жизнь, материалом их были наблюдения над жизнью, жизнью людьми.

Совокупное праянство, высоко оценная заслуга гениального русского художника, артиста Станиславскому звание народного артиста Союза ССР и награды ордена Ленина и орденом Трудового красного знамени.

17 января этого года страна наша, весь советский народ праздновали 75-летие его большой творческой жизни.

Все последующие месяцы К. С. Станиславский много работал над постановкой на сцене МХАТ мольеровского «Горюха», одновременно руководя постановкой новой оперы Степанова «Пограничник» в оперном театре имени Станиславского. Полд его руководством были закончены 7 картин этой постановки.

Работа эта была прервана смертью К. С. Станиславского, последовавшей 7 августа 1938 года.

История Московского Художественного академического театра имени Горького — тема для большого исследования. Художественный шел к народу и революции. Театр, пользующийся мировой славой, не пожелал стать музеем, он непрерывно стремился гореть сегодняшним днем, измениться, жить так же, как это делал его основатель и вдохновитель Константин Сергеевич Станиславский.

Ю. НЕЙМАН

Памятные ДАТЫ

РАССТРЕЛ 26 БАКИНСКИХ КОМИССАРОВ

Двадцать лет тому назад, 20 сентября 1918 года, эсера и английские интервенты расстреляли 26 бакинских комиссаров — руководителей обороны советского Баку от иностранного нашествия.

История этого подлого преступления тесно связана с историей Бакинской коммуны — советского правительства, существовавшего в Баку с конца марта по 31 июля 1918 года. Положение в Баку в то время было исключительно сложным и напряженным. Некоторые элементы бакинского населения имели буржуазно-националистические партии («мусават» (азербайджанская) и «дашнакцум» (армянская)). Обе эти партии стремились к извержению советской власти, причем мусаватисты ждали помощи от турок, а дашнаки — от англичан. Турки захватили почти все Закавказье и продвигались к Баку; англичане хозяйничали в Иране и на восточном берегу Каспийского моря. Бакинская коммуна была отрезана от Советской России большими армиями.

В этих тяжелых условиях бакинские большевики, руководимые Степаном Шаумяном — председателем Бакинского совнаркома — и Алейшей Джалалидзе — председателем Бакинского совета — делали героические усилия, чтобы возрешить массы для отпора интервентам и разоблачить демagogию буржуазных националистов.

Мусаватисты 18 марта 1918 г. устроили вооруженное выступление. Дашнаки, боявшиеся, что в случае своей победы мусаватисты устроят армянский погром, помогли большевикам подавить мятеж. Когда же турки подступили к Баку, дашнаки, эсера и меньшевики потребовали от Совнаркома,

Расстрел 26 бакинских комиссаров (с картины художника И. Бродского).

чтобы он призвал на помощь против турок англичан. Бакинский совнарком категорически отказался это сделать, правильно расценив такое предложение как измену родные и советской власти. Однако, дашнакам в союзе с эсерами и меньшевиками удалось незачисленным большинством голосов провести в Бакинском совете резолюцию об обращении к англичанам за помощью. Совнарком сложил свои полномочия, не желая нести ответственности за предложение потянуть политуку дашнаков, эсеров, меньшевиков. Эсеро-дашнакское правительство, заступившее его место, арестовало бакинских комиссаров, обвинив их в государственной измене. Черная предательство не спасло дашнаков. Выступивший в Баку английский отряд на своем захватив наступление турецких войск, 15 сентября турки ворвались в город и устроили чудовищную расправу над резной армией. Место бежавшего эсеро-дашнакского правительства заняло правительство мусаватистов. Во время уличных боев арестованным турками удалось с помощью тур. Микона бей и сестра на пароход. Но капитан парохода, вместе того чтобы идти к советской Астрахани, принял пароход в Красноводск, где хозяйничали англичане.

Бакинская «Диктатура Центрокаспия» (так назвали себя эсеро-

дашнакское правительство) не успела расправиться с вождями бакинского пролетариата. Это гнусное дело выполняли ее союзники — закавказские эсера и английские интервенты. По приказу представителя английской военной миссии Тиг-Джонса и члена эсероэского правительства Фунтикова бакинские комиссары были арестованы в Красноводске. В ночь с 19 на 20 сентября отобраны 26 человек, посадили их в темный, наглухо закрытый вагон специального поезда и увезли из города. Среди обреченных на смерть были Степан Шаумян, Алейша Джалалидзе, Азизбеков, Филолетов и ряд виднейших бакинских работников. 20 сентября между станциями Перевал и Ахча-Кумба поезд был остановлен. Кованый вагон с арестованными из вагона и эсерами оставлены в живых. Изуродованные трупы казненных были обнаружены в песках в 1920 году.

27 апреля 1920 года бакинский пролетариат с братской помощью Советской России прогнал мусаватистов и восстановил советскую власть. 8 сентября останки героически погибших 26 комиссаров были торжественно перенесены в Баку.

Трудившиеся Советского Азербайджана и всего Советского Союза чте светлую память бакинских комиссаров, погибших за свободу и счастье социалистического отечества.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

(110 лет со дня рождения)

9 сентября 1828 года родился величайший русский писатель Лев Николаевич Толстой.

Творчество Толстого было глубочайшими корнями связано с мыслями и чувствами народных масс. Судьба человека и судьба народа — две темы, постоянно скрещивающиеся в произведениях Толстого. «Война и мир» — это роман о жизни, страданиях и радостях Наташи Ростовой, Андрея Болконского, Пьера Безухова и ряда других людей, изображенных с исключительной правдой и любовью. И в то же время «Война и мир» — величественная эпопея борьбы русского народа за свою независимость, против иностранных завоевателей. В «Анне Карениной» история любви и гибели Анны и повествование о семейной судьбе Левина переплетаются с изображением новых отношений, складывающихся между помещиками и крестьянами после отмены крепостного права. В «Воскресении» история князя Нехлюдова и Катюши Масловой усиливает странную картину страданий, унижений, жертв, принесенных бывших уделом народных масс в самодержавно-помещичьей России.

Левня писал, что в литературном наследии великого писателя есть то, что отделило в прошлом, и то, что принадлежит будущему. Толстой всей силой своего гения выразил веками накопившуюся ненависть крестнического христианства к крепостному праву и к самодержавию, ненависть народных масс к разоружению их капитализмом. Но глубоко ирым и реакционным было в наследии Толстого то, что принадлежало прошлому, — столотворство. Эта реакционная, антиреволюционная идеология ограничивала кругозор патриархального русского крестьянина, его неспособность организованно бороться против эксплуататоров.

Отвергая толстовское учение, советский народ с огромным уважением и любовью относится к Толстому как к великому русскому писателю-реалисту.

Наряду с С. Лойдом и В. Шинником его имя по праву занимает место в ряду классиков шахматной композиции.

ШАХМАТЫ

ОДЕЛ ВЕДЕТ Л. ГУГЕЛЬ

Задача № 87 Задача № 88 Задача № 89
А. В. Галликий (1863—1921)

Мат в 2 хода.

Мат в 3 хода.

Мат в 4 хода.

На рубеже прошлого и нынешнего столетий в журнале шахматного журнала, в котором помещались бы композиции русского составителя А. В. Галликого. Он опубликовал 1860 задач. Почти каждая из них поражает идейным богатством и технической

законченностью. Галликий — земский врач, после революции работавший в одной из рабочих амбулаторий Саратова, — высоко поднял славу русской шахматной компо-

ГРОССМЕЙСТЕР ПОПАЛСЯ В ЛОВУШКУ

Известный чехословацкий гроссмейстер С. Флор в июле дал сенсационную партию против шахматистов московского Дома пионеров и октябрь. Игра происходила на 40 досках. Ребята сумели выиграть в календара в чемпионском ряде 4 партии и 11 — свети ничью.

На одной из досок в лоботряпую ловушку попал Флор против Ружников — шахматист 4-й категории. Белые: Крf1, Фс2, Лa1, П1, Сd3, Кс4, п2, э3, с4, d5, f4, г2, h2 (14); Черные: Крg8, Фe7, Лb8, d8, Сb7, h8, Кd7, п а7, b6, e6, f7, г7, h6 (18).

В это положение у Флора (белые) лишняя пешка. Однако позиция насыщена комбинациями, и до прозаического использования мате-

риального перевеса еще очень далеко. Если, например, 20. d5 — d6, то Ф — e8 и гибнет пешка d. Все же это было, вероятно, лучшим, так как после Фe7 белые по белому терпят целую фигуру. Еще белым терять целую фигуру. После 20. d5 — e6? Это естественный ход ведет к неприятным последствиям для белых. 20... Сb7 — e4, 21. e6: f7 + (форсированно проигрывает, следовало играть 21. e6: d7). 21... Крg8 — h8, 22. Сd3 — e4 Кd7 — f6, 23. Кf1 — h1 Фe7 — f6, 24. Кf1 — h1 Фe7 — f6, 25. Кf1 — h1 Фe7 — f6, 26. Кf1 — h1 Фe7 — f6, 27. Кf1 — h1 Фe7 — f6, 28. Лf1 — f2 Фe5: f2, 29. Лe1 — b1 Фf2: f4. Белые сдались.

Мастер СССР по шахматам А. Юдович

ТЕРМИНЫ, КОТОРЫЕ СЛЕДУЕТ ПОМНИТЬ

«В шахматных книгах часто повторяются слова: «зидышь», «длинше качество», «дебот», «мигильдишь», «дугуванг». Я надеюсь не смогу найти объяснения этих терминов», — пишет в редакцию «Смею» читатель А. Пелевин из Косромы.

Слова, приведенные тов. Пелевиным, прочно вошли в шахматный обиход. Возможно, по этой причине авторы многих книг забывают расшифровать их. Что же обозначают эти слова?

Дебот — начальная стадия партии (обычно — первые 8—12 ходов).

Мигильдишь — середина партии.

Зидышь — конечная стадия партии.

Длинше качество — выигрыш ладьи за коня или слона.

Дугуванг. Иногда один из игроков оказывается в таком положении, что любой его ход ведет к решающему ослаблению позиции. Если бы можно было пропустить очередь хода, он бы ничем не пострадал. Но, по правилам игры, это невозможно, он должен ходить. Принуждение к ходу — вот что и означает слово «дугуванг».

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ!

(Ответы на вопросы, напечатанные в «Смею» № 8)

1. С. Самарский шахматистом А. Н. Кардашам.

2. С. Винавер в парижском турнире 1867 года.

3. Своеобразный вид шахматной композиции. Сюда относятся задачи, где задание или ходы фигур отличаются от обычных.

4. Мастер Жан Таубенгауз, когда Капабланка было лишь лет 5.

5. В Евгении Онегине.

6. В 1851 году в Лондоне.

7. Пять раз: Ласкер выиграл матч у первого официального чемпиона мира Стейнса (1894 год), Капабланка — у Ласкера (1921 год), Алехин — у Капабланки (1927 год), Эйве — у Алехина (1935 год), и Алехин — у Эйве (1938 год).

8. Мастеру В. И. Ненахову в 1908 году.

9. Московский шахматистка 2-й категории СССР О. И. Губонова.

10. Советский этюдист, заслуженный деятель искусств А. А. Троицкий.

РЕШЕНИЯ «СМЕЮ» № 8

Задача № 82. А. Вратченко. 1. Ф8—d2. Главные варианты борьбы после игры черной ладьей и f4, о существовании которых основательно тот 2. f4—e3, так как и продвигают шаху.

Задача № 83. Р. Попомарец. 1. Ф8—d7. В варианте 1. Ф8—b8, 2. Ф8—d6 и т. д. Ф8—e7, 2. Деб—d6, так как она препятствует дороге белым фигур, Редким комбинация!

Задача № 84. В. Шинкина. 1. Ф8—b7.

Задача № 85. его же. 1. Е3—f3? Этим ходом белые представляют черным возможность дважды захватить белую королю.

Задача № 86. его же. 1. Де4—h4 f3—h2. 2. Ф8—h5 и т. д.

Задача № 87. КС—b4, 2. Ф8—b3 и т. д.

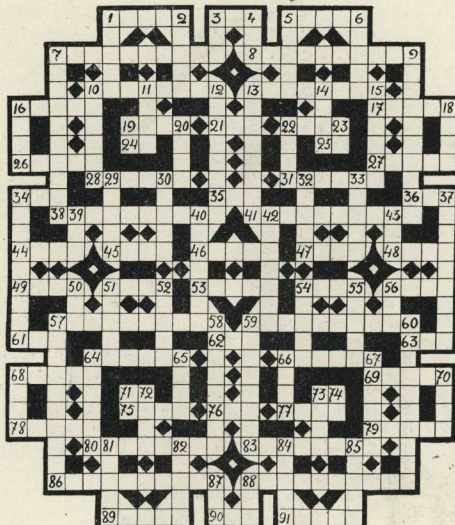
Задача № 16. 1. Па1ва. 1. Т. Ф8—h4 f3—h2. 2. Ф8—h5 и т. д.

Отв. дается в виде того, чтобы белым было королю.

Исходное. 2. О4—b8, то белые добиваются ничьей, разрешив все пешки. 3. f2—f3, 4. f3—f4, 5. О4—b7 КС—b4, 6. Кр2—b1 Ф8—b7, 7. Кр1—b2, 8. Кр2—b1 О4—b8, 4. а5—a7 (теперь нельзя отступить в рамках пешки, так как в 5. Кр1—e2 последует Кр6—f4, 3. Ф8—e3 и последуют Ф8—f7, 4. Ф8—f6, 5. О4—b7 КС—b4, 6. f2—f3: Кр1—f3—белая пат.

КРОССВОРД

Составил читатель «Смею» Б. К—ни (Ростов на Дону)

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ ПО ГОРИЗОНТАЛЯМ

1. Турецкий шогр. 2. Сигнальный инструмент. 3. Сигнальный инструмент. 4. Боутоват игла. 5. Орудие. 6. Выходительное слово. 7. Орудие. 8. Выходительное слово. 9. Дворянская принадлежность. 10. Народный праздник. 11. Народный праздник. 12. Народный праздник. 13. Народный праздник. 14. Народный праздник. 15. Народный праздник. 16. Народный праздник. 17. Народный праздник. 18. Народный праздник. 19. Народный праздник. 20. Народный праздник. 21. Народный праздник. 22. Народный праздник. 23. Народный праздник. 24. Народный праздник. 25. Народный праздник. 26. Народный праздник. 27. Народный праздник. 28. Народный праздник. 29. Народный праздник. 30. Народный праздник. 31. Народный праздник. 32. Народный праздник. 33. Народный праздник. 34. Народный праздник. 35. Народный праздник. 36. Народный праздник. 37. Народный праздник. 38. Народный праздник. 39. Народный праздник. 40. Народный праздник. 41. Народный праздник. 42. Народный праздник. 43. Народный праздник. 44. Народный праздник. 45. Народный праздник. 46. Народный праздник. 47. Народный праздник. 48. Народный праздник. 49. Народный праздник. 50. Народный праздник. 51. Народный праздник. 52. Народный праздник. 53. Народный праздник. 54. Народный праздник. 55. Народный праздник. 56. Народный праздник. 57. Народный праздник. 58. Народный праздник. 59. Народный праздник. 60. Народный праздник. 61. Народный праздник. 62. Народный праздник. 63. Народный праздник. 64. Народный праздник. 65. Народный праздник. 66. Народный праздник. 67. Народный праздник. 68. Народный праздник. 69. Народный праздник. 70. Народный праздник. 71. Народный праздник. 72. Народный праздник. 73. Народный праздник. 74. Народный праздник. 75. Народный праздник. 76. Народный праздник. 77. Народный праздник. 78. Народный праздник. 79. Народный праздник. 80. Народный праздник. 81. Народный праздник. 82. Народный праздник. 83. Народный праздник. 84. Народный праздник. 85. Народный праздник. 86. Народный праздник. 87. Народный праздник. 88. Народный праздник. 89. Народный праздник. 90. Народный праздник. 91. Народный праздник.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ ПО ВЕРТИКАЛЯМ

1. Руч. 2. Дипломатический представитель иностранного государства. 3. Горбачевская сытня. 4. Промежуток времени. 5. Нотный знак. 6. Угос. 7. Голосовое животное. 8. Метод обработки шелковых семян. 9. Желание мур и античной мифологии. 11. Полезна крестьян-белкам и дореволюционной России. 12. Предметы искусства. 13. Карнавальная принадлежность. 14. Голосный инструмент на Балканах. 15. Морен, рудный сульфид по Балканам. 16. Местный инструмент. 17. Цетон. 18. Твердый осадок. 20. Музыкальный инструмент. 22. Кредитное учреждение. 23. Цетон. 24. Широкое лезвие. 30. Сырой материал и кирпичное производство. 32. Орнитологическое название. 33. Родина Одиссея. 34. Музейное имя. 37. Бор. 38. Замок, торжественная залитка. 40. Город в Палестине. 42. Народ. 43. Город в Ветилии, давний название одному из главных оловянных месторождений в мире. 50. Город в Финляндии. 51. Угос в древней Греции. 52. Палеонтолог. 54. Дипломат. 55. Русское название одного животного. 60. Город. 62. Небольшое число. 67. Участник

фольклора. 63. Животное типа млекопитающих. 64. Породная. 66. Угоситель принадлежность. 68. Сыр. 69. Зрелищное представление. 75. Ценный минерал. 76. Фольклорное животное в сказках и легендах. 77. Народный праздник. 78. Руч. 79. Город в Истании. 80. Народный праздник. 83. Дипломат. 88. Представитель одного из ведущих сельскохозяйственных профессий. 88. Народный праздник. 89. Город в Ветилии. 90. Страна фашистского государства. 91. Кулинария.

всего помещенного слова в старой Польше. 58. Район. 59. Складовый дом. 60. Район. 61. Итоговая оценка в конце занятия. 64. Предметы искусства. 65. Угоситель. 66. Угоситель. 67. Угоситель. 68. Угоситель. 69. Угоситель. 70. Угоситель. 71. Угоситель. 72. Угоситель. 73. Угоситель. 74. Угоситель. 75. Угоситель. 76. Угоситель. 77. Угоситель. 78. Угоситель. 79. Угоситель. 80. Угоситель. 81. Угоситель. 82. Угоситель. 83. Угоситель. 84. Угоситель. 85. Угоситель. 86. Угоситель. 87. Угоситель. 88. Угоситель. 89. Угоситель. 90. Угоситель. 91. Угоситель.

Отв. редактор — М. П. Петерин

Зам. отв. редактора — М. Л. Гольдберг

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д. 3-34-24

Оформление В. И. Урина

Славо в набор 15/VI 1938 г. Подписано к печати 8/IX 1938 г.

Изд. № 709.

Формат 72x110 см. 4 печ. л.

86 000 экз. в печ. л.

Уполномоченный Главлита № Б — 50337

Техред Б. Фейгин

Знак № 2014.

Тираж 45 000

